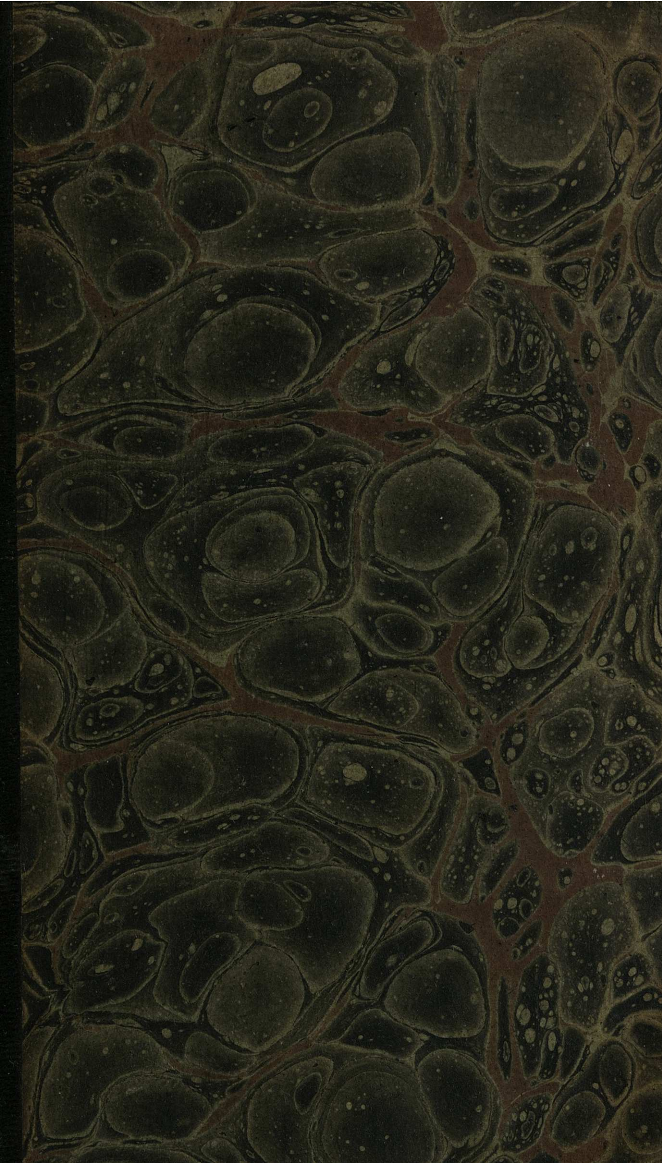

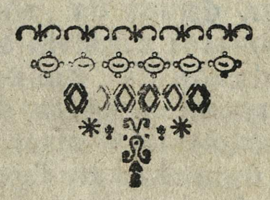
СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

сочиненія

ГОСПОЖИ ГОМЕЦЪ.

ТОМЪ IX.

съ Францускаго на Россійской языкъ переведенъ

Въ Санктпетербургѣ.

1767 году.

СТО НОВЫХЪ

НОВОСТЕЙ

XXVII НОВОСТЬ.

СМЕРТЬ ПОБѢЖДЕННАЯ ЛЮБОВІЮ.

Страны, вЪ коихЪ любовь менѣе имѣетЪ вольности, суть обыкновенно тѣ, вЪ коихЪ страсть сїя имѣетЪ наиболѣе силы. ВЪ семЪ то принужденїи и наблюденїи строгихЪ обычаевЪ восточныхЪ народовЪ, ИшпанцевЪ и ИталїанцевЪ она наиболѣе торжествуетЪ; и хотя женщины не такЪ строго содержатся вЪ Италїи, какЪ во всей восточной странѣ, однако не болѣе онѣ властвуютЪ надЪ своею волею, и не менѣе имѣютЪ препонЪ кЪ преодолѣнїю, когда по несчастїю сердца ихЪ кЪ кому нибудь преклонны учинятся.

Венеція, которая во время карнавала есть пребываніе радости, забавъ и удовольствія, бываетъ въ другія времена наискучнѣйшею во всей Италіи строгою поступкою женщинъ и непрестанною политикою, господствующею между благородными; однако не смотря на то, сей прекрасный городъ бывалъ часто ѳеатромъ многихъ важныхъ приклюю-ченій, между коими случившееся съ прекрасною Контариніею и со младымъ Іустиніаніемъ должно имѣть первенство. Имена ихъ довольно научаютъ о ихъ породѣ, такъ что нѣтъ нужды доказывать ихъ благородство. Изабелла Контарини была точію семнадцати лѣтъ отъ роду, и жила подъ смотреніемъ матери, которая скрывала ее съ толикимъ стараніемъ, колико достойна она была своею красотою, быть показываема. Едва терпѣла и то, что представлялась она взору Антонія Контарини, своего брата, который по смерти своего отца былъ тогда начальникъ своего дома. Нѣжное дружество, кое онѣ другъ ко другу имѣли, побуждало ихъ находить надмѣру много принужденія въ семъ поступкѣ.

ступкѣ, по чему и не наблюдали онаго съ точностію. Мало дней проходило безъ того, что бы Изабелла и Антоніо не видѣлися между собою на единѣ; и при сихъ то тайныхъ свиданіяхъ происходившихъ обыкновенно въ покоѣ Изабеллиномъ въ присутствіи ея мамки, женщины не столь своеобычной, сколь госпожа Контаринша, Антоній увѣдомлялъ прекрасную сестру свою о всемъ томъ, что Венеція имѣетъ достойнаго ея любопытства, и показывалъ ей свое о томъ неудовольствіе, что не дозволено ему было водить ее въ нѣкоторыя сообщества, въ коихъ принимаемъ онъ былъ съ удовольствіемъ. Младая Изабелла начиная ужѐ скучать своимъ уединеніемъ, и чувствуя, что не на то она создана, дабы быть на вѣки заключенной, просила его между прочими разговорами, что бы изходатайствовать у госпожи Контаринши, дабы была она участницею приближающагося торжества Карнавала. Антоніо обѣщалъ ей то, и обнадеживалъ ее, что здѣлаетъ и самъ балъ въ своемъ домѣ, при чемъ желаетъ, чтобъ была она при ономъ хозяйкою; ибо мать ея

не могла противиться сему намѣренію, по тому что принужденъ онъ былъ учинить то по примѣру другаго шляхетства; и что сей балъ промыслитъ ей другіе, кои наградятъ потерянное ею время: однако не такъ легко было, какъ онъ думалъ, убѣдить сію госпожу: она знала, что сынъ ея долженъ изъявить при семъ случаѣ свое великолѣпіе, но думала при томъ, что можетъ обойтись сама, дабы не быть при омъ, слѣдственно и не показывать Изабеллы; но Антоніо вознамѣрясь промыслить сіе удовольствіе своей сестрѣ, поступилъ съ такимъ проворствомъ, что преодолѣлъ ея упорство; а дабы успѣть въ томъ свободнѣе не хотѣлъ ей о томъ здѣлать прежде предложенія, пока не принялъ всѣхъ предосторожностей, могшихъ воспрепятствовать ему отказать.

Сей младый господинъ имѣлъ друга, который между всемъ младымъ шляхетствомъ знатнѣйшихъ Венеціанскихъ фамилій, могъ почитаться за совершеннѣйшаго кавалера въ свое время. Іустиніани, начальникъ своего дому, равно какъ и Антоніо

Конта-

Контарини господствовалъ въ своемъ, имѣлъ въ себѣ дарованіи, удобныя здѣлать человѣка почитанія достойнымъ, былъ прекрасенъ своимъ станомъ, одаренъ разумомъ, и достоинъ удивленія своимъ краснорѣчіемъ, благородствомъ и великодушіемъ; всѣ сіи совершенства привели его въ крайнюю любовь у республики, которая полагала его ужѐ въ число великихъ мужей, рожденныхъ во оной. Сіе всеобщее почтеніе снискало ему и особенное отъ многихъ, и не взирая на строгіе обычаи Венеціанцевъ, не было такихъ домовъ, гдѣ бы не принимали его съ радостію; и какъ учредилъ онъ въ домѣ своемъ веселости и вольность, кои казалися тѣмъ пріятнѣе, что оныя были весьма рѣдки въ сей землѣ, то навѣщали его всѣ знатнѣйшіе люди. Антоніо Контарини свелъ съ нимъ наинѣжнѣйшее дружество; они были неразлучны; и сіе согласіе такую снискивало похвалу Контаринію, что онъ былъ почти столькожъ почитаемъ за то, что былъ другъ Іустиніаніевъ, сколько и въ разсужденіи самаго себя.

Іустиніани не имѣлъ ни отца ни матери; но у него жила одна госпожа, вдова нѣкоего Іустиніанія, роднаго брата его отца, которая учреждала все въ его домѣ. Она имѣла двухъ весьма любви достойныхъ дочерей, коихъ воспитывала съ такимъ же попеченіемъ, съ какимъ и госпожа Контаринша Изабеллу дочь свою, но не съ толикимъ принужденіемъ; ибо онѣ видѣли всѣхъ тѣхъ, коихъ Іустиніани почиталъ того достойными. Антоніо былъ изъ числа оныхъ, и госпожа Іустиніанша не бывала николи такъ довольна, какъ въ тѣ дни, когда онъ къ нимъ прихаживалъ. Она видала часто госпожу Контариншу и прекрасную Изабеллу; но сіе не было никогда инако, какъ въ наиотдаленнѣйшемъ покоѣ того или другаго дому; и ни одинъ мущина не былъ туда допущенъ, гдѣ онѣ разговаривали: она часто укоряла ее съ учтивостію, что поступала она съ нею не съ такою довѣренностію, съ какою она, по тому что Гортанса и Луцилла ея дочери, видѣли Антонія, на противъ того Іустиніани, ея племянникъ, не имѣлъ никогда счастія показаться глазамъ

глазамъ несравненныя Изабеллы; но госпожа Контаринша затыкая уши свои отъ всего того, что казалося противнымъ принятому ею житїю, отвѣтствовала всегда на то не инако, какъ отговариваясь отъ всѣхъ сихъ нападенїй.

Между тѣмъ Антонїо желая содержать данное прекрасной сестрѣ своей слово, открылъ намѣренїе свое госпожѣ Іустинїаншѣ, и просилъ ее поговорить сперьва съ его матерью, подавъ ей знать, что навлечетъ она на себя смѣхъ, лишая Изабеллу такого удовольствїя, коему самые наистрожайшїе люди предаются, не воображая себѣ, что бы оное славѣ ихъ было предосудительно. Госпожа Іустинїанша не желая ничего болѣе, приняла на себя сїю коммиссїю съ радостїю, и дабы не умедлить обрадовать Изабеллу, пошла къ Контариншѣ въ тотъ же самый день, въ который она съ нимъ говорила. Она нашла прїятельницу свою одну; ибо Изабелла упражнялася съ своими учителями; и воспользуясь симъ случаемъ, дабы говорить съ большею откровенностїю, начала разсказывать ей о великолѣпїи Карна-

вала. Антонїо и Іустинїани, продолжала она, прїуготовляютъ великолѣпные балы, и уповательно, сударыня, не лишишь ты насъ въ сей годъ присутствїя прекрасныя Изабеллы, какъ дѣлала ты то въ прошедшїе.

Лѣта̀ мои и вдовье состоянїе, отвѣчала ей госпожа Контаринша, возбраняютъ мнѣ быть при такихъ увеселенїяхъ, дочь моя не должна нигдѣ быть безъ меня; и какъ не хочу я при томъ показаться, то и ее не увидятъ. Но, сударыня, отвѣчала ея прїятельница, притворясь нѣсколько огорченною симъ разговоромъ, мои лѣта̀ и мое состоянїе увольняютъ меня отъ сихъ родовъ увеселенїй; однакожъ весьма бы мнѣ досадно было лишить оныхъ моихъ дочерей; мы были молоды равно какъ и онѣ, мы имѣли матерей столь же разумныхъ, каковы мы; но онѣ не лишали насъ сихъ невинныхъ забавъ, какъ желаешь ты здѣлать съ Изабеллою? Но, сударыня, примолвила она, кто же будутъ такїя наши госпожи, кои бы прїѣхали на балъ къ господину Контарини, естьли любезная твоя дочь не поѣдетъ на

оные

оные къ другимъ? Ты обижаешь насъ всѣхъ таковымъ поступкомъ я не говорю для себя; дружество мое извиняетъ таковое своенравіе; но какую обиду можно здѣлать чрезъ то всѣмъ вообще, когда увидятъ тебя одну госпожу изъ всей республики, презирающую наши забавы! Не думаешь ли ты, что бы сія строгость похвалена была хотя однимъ изъ строгихъ нашихъ Сенаторовъ; республика наша имѣетъ точію одно время ко изъявленію чужестранцамъ своей пышности и великолѣпія; всѣ шляхтичи и сограждане должны принимать въ томъ участіе, естьли они хотя искру любви имѣютъ къ отечеству, мущины отличаютъ себя дѣлая балы, а женщины удостоиваютъ оные своимъ присутствіемъ.

Госпожа Контаринша смутясь нѣсколько отъ того, что вмѣняли ей въ политическій резонъ такое дѣло, кое она весьма неважнымъ почитала, отвѣтствовала ей весьма ревностно, что, естьли бы она себѣ воображала, что сіе угожденіе полезно республикѣ, тобъ не поколебалась оказать оное; что въ прочемъ не

хощетъ она охуждать поступка другихъ своимъ примѣромъ; что всякъ думаетъ по своему обычаю; и что не осуждая вольности введенной въ дому своемъ Іустиніаніемъ, не должно осуждать и строгости заведенной ею въ своемъ; но дабы доказать особливую довѣренность, которую она къ ней имѣетъ, отдастъ она ей на руки Изабеллу, есть-ли будетъ она принуждена появиться во время карнавала, не могши вознамѣриться быть самой при ней; что посовѣтуетъ она со своимъ сыномъ, что надлежитъ ей дѣлать, и поступитъ такъ какъ онъ ей присовѣтуетъ. Госпожа Іустиніанша плѣнясь симъ обѣщаніемъ, казалась усмирившеюся; и поблагодаря ее дружественно, оставила столь скоро, какъ возможно было, дабы увѣдомить Антонія о учиненномъ ею.

Она нашла его съ своимъ племянникомъ, ожидающихъ ее съ равною нетерпѣливостію, хотя по различнымъ причинамъ; ибо Контарини имѣлъ тогда только намѣреніе вывесть сестру свою изъ вѣчнаго уединенія; но что до Іустиніанія, то нѣчто

нѣчто сильнѣйшее побуждало его желать свиданія съ Изабеллою; ибо все то, что тетка его и сестры объ ней ежедневно ему говорили, вселило въ сердцѣ его начало такой страсти, которая ожидала точію присутствія предмѣта, дабы здѣлаться наисильнѣйшею. Обое друзей услышали съ радостію о намѣреніяхъ госпожи Контаринши; но Іустиніани нашелъ время, намѣру продолжительнымъ до Карнавала, дабы увидѣть прекрасную свою Изабеллу: Возможно ли, сказалъ онъ, посмотрѣвъ на Антонія, что бы не могъ ты выдумать какого нибудь способа ко удовлетворенію усерднаго желанія, кое имѣю я увидѣть несравненную твою сестру, прежде нежели покажется она взору другихъ? Ахъ! любезный мой Антоніо! естьлибы ты любилъ меня столько сколько я тебя люблю, то бы доказалъ ты мнѣ оное при семъ случаѣ съ такимъ же усердіемъ, какое я тебѣ изъявлялъ, когда что касалося до твоего удовольствія.

Контарини уразумѣлъ безъ труда толкъ сихъ словъ: онъ былъ сильно влюбленъ въ Гортансу, старшую

дочь

дочь госпожи Іустиніанши; стараніямъ друга своего долженствовалъ онъ удовольствіемъ видѣть ее повсядневно; и какъ ожидалъ единственно отъ него своего счастія, властію, которую имѣлъ онъ надъ своею теткою, то на колебался оказать ему равномѣрную услугу, хотя не думалъ, что бы любовь была виною сего любопытства. Естьли бы могъ я угадать твои склонности, отвѣчалъ онъ ему, то клянусь тебѣ, любезный мой Іустиніани, что давно бы ужѐ былъ ты доволенъ мною; но только съ сего дня вижу я въ тебѣ такое желаніе, и не буду виновенъ въ томъ, что не мыслилъ удовольствовать оное прежде сея минуты.

Госпожа Іустиніанша вышла во время сего разговора, оставя своимъ отсутствіемъ полную свободу своему племяннику изъясниться; по чему не усимнился онъ то учинить и бросясь на шею къ Антонію: правда, сказалъ ему, что скрывалъ я отъ тебя до сего дня происходящее въ сердцѣ моемъ къ Изабеллѣ, ласкаясь, что госпожа Іустиніанша испроситъ у надмѣру строгой матери твоей дозво-

дозволенiе мнѣ предъ нее предстать, не будучи принужденну открыть тебѣ такiя движенiи, коихъ я еще самъ въ себѣ не распознаю; но не могши успѣть съ сей стороны, признаюсь тебѣ, любезный мой Контарини, что не возможно мнѣ ожидать долѣе. Я не сомнѣваюсь, чтобъ сiя нетерпѣливость не предсказывала мнѣ потерянiя моея вольности; но не могу преодолѣть моей судьбины; и нахожусь въ такомъ состоянiи, чтобъ или умереть, или себя удовольствовать: не знаю прекрасныя Изабеллы, а между тѣмъ образъ ея непрестанно слѣдуетъ за мною; все, что ни говорили мнѣ о ней Гортанса и Луцилла, мечтается денно и ночно во умѣ моемъ. Что скажу тебѣ на конецъ, извини меня; я влюбленъ мысленно, и горю желанiемъ влюбиться существенно.

Iустинiани говорилъ съ такимъ жаромъ, что Контарини не могъ удержаться отъ смѣху; но какъ страсть его къ прекрасной Гортансѣ дѣлала его къ другимъ чувствительнымъ, то принялъ онъ на себя паки видъ ревностный, который имѣлъ другъ его, и обнадеживалъ его, что

почелъ

почелъ бы онъ себя наисчастливѣйшимъ въ свѣтѣ человѣкомъ, естьли бы взоръ Изабеллинъ удобенъ былъ утвердить его въ томъ мнѣніи, которое онъ всегда имѣлъ. По томъ мысливъ долгое время, какъ бы провести его къ себѣ въ домъ, не боясь госпожи Контаринши, коей не возможно было учинить о томъ предложенія, не нашелъ безопаснѣйшаго средства, какъ объявить о немъ, что онъ живописецъ, прибывшій недавно изъ Рима, и просить сію госпожу, что бы повелѣла она ему списать портретъ Изабеллинъ. Сей способъ показался толь пріятнымъ Іустиніанію, что просилъ онъ Антонія произвесть оный немедлѣнно въ дѣйство, тѣмъ наипаче, что могъ онъ удобнѣе представлять сего художника, рисуя чрезвычайно хорошо.

Они уговорились межъ собою, что бы обмануть такожде и Изабеллу, дабы сердца обоихъ могли дѣйствовать свободно и безъ приготовленія; но какъ надобенъ былъ кто нибудь способный къ произведенію сего невиннаго обмана, то вознамѣрились они здѣлать въ томъ повѣренность Гортансѣ и Луциллѣ, и учинить

нить ихъ свидѣтельницами и соучастницами того удовольствія, кое для себя пріуготовляли. Лишь только воспріяли они сіе намѣреніе, какъ и произвели оное въ дѣйство, и между тѣмъ какъ Іустиніани извѣщалъ сестеръ своихъ о томъ, что надлежало имъ дѣлать, Антоніо пріѣхалъ въ свой домъ, и пошелъ къ госпожѣ Контаринщѣ, которая увѣдомила его тотчасъ о посѣщеніи госпожи Іустиніанши и о произходившемъ съ нею разговорѣ. Антоніо не ожидалъ, что бы потребовала она его совѣта, но самъ подалъ ей оный, и сказалъ откровенно, что сія госпожа говорила ей, какъ прямая пріятельница, примолвя къ сему что онъ знакомъ во всѣхъ домахъ Венеціанскихъ; почему и свѣдомо ему то, что думаютъ о ея строгости, и какъ оную вообще осуждаютъ. Сей послѣдній приступъ принудилъ ее совершенно согласиться на все, чего отъ ней желали, и обѣщать поручить Изабеллу Госпожѣ Іустиніаншѣ на все время Карнавала.

Антоніо перемѣнивъ тогда рѣчь, сказалъ ей съ видомъ равнодушнымъ, что пріѣхалъ недавно въ

Венецію живописецъ, который весьма художествомъ своимъ прославился, что списалъ онъ обѣихъ сестеръ Іустиніевыхъ въ совершенствѣ, и что имѣетъ онъ намѣреніе дать ему написать и свой портретъ. Госпожа Контаринша имѣвшая къ дочерѣ своей безмѣрную горячность, и взиравшая на нее справедливо какъ на прекраснѣйшую особу во всей Италіи, отвѣтствовала ему, что надлежало начинать съ Изабеллы, и просить Гортансу и Луциллу привезти его къ ней. Я могу ево представить вамъ, равно какъ и онѣ, сказалъ ей Антоніо; я свелъ съ нимъ дружбу, и ласкаю себя, что здѣлаетъ онъ для меня то, чего бы не здѣлалъ онъ, можетъ быть, для сихъ Госпожъ: онъ такъ стыдливъ, что не любитъ тѣмъ славиться, но я приведу его къ вамъ завтра, и упрошу госпожу Іустиніаншу, чтобъ отпустила она дочерей своихъ, дабы забавлять сестру мою во все то время, въ которое будутъ ее списывать.

Госпожа Контаринша и прелестная дщерь ея, бывшая при семъ разговорѣ, нашли все сіе толь естественстзен-

ственнымЪ, что ни вЪ чемЪ не сомнѢвалися, и проворный Антоніо привелЪ дѣло сіе вЪ такое уваженіе, что думали онѣ имѣть великую кЪ нему обязанность, особливо прекрасная Изабелла, которая лишЪ только вошла вЪ свой покой, какЪ приказала ево позвать, дабы возблагодарить его за стараніе прилагаемое имЪ, чтобЪ вывесть ее изЪ уединенія, и промыслить ей увеселеніи, толь долгое время ей отказываемыя. Естьли бы не былЪ ты мой братЪ, сказала она ему сЪ пріятностію, то бы изЪявила я тебѣ мою благодарность, назначивЪ тебѣ тотЪ портретЪ, который прикажешь ты начать завтра, но ето бы былЪ такой подарокЪ, который бы весьма слабо тронулЪ твое сердце; и я думаю, что лучше будетЪ, примолвила она улыбнувшись, естьли попрошу я Гортансу, что бы она тебя за меня наградила.

Ты мнѣ столько мила, отвѣчалЪ ей Антоніо тѣмЪ же голосомЪ, что желалЪ бы я имѣть тебя всегда присутственну; но я думаю, что гораздо больше будетЪ кЪ статѣ, хранить сію живопись, дабы

быть наградою такому сердцу, кое изберешь ты между всѣми тѣми, кои представятся тебѣ тогда, когда появишься ты во время нашего празднества. Ахъ! любезный братъ! съ жаромъ она ему отвѣчала, не примѣшивай ничего скучнаго ко удовольствїю, къ коему я себя готовлю: дабы взять чужее сердце, надобно отдать свое; а я признаюсь тебѣ, что лучше бы хотѣла лишена быть всѣхъ вашихъ торжествѣ, и не видѣть никого кромѣ Госпожи Контаринши, нежели потерять мое сердце.

Антонїо, который хотѣлъ узнать ея склонности, спросилъ ее, не наставленїи ли ея матери вселили въ нее сей страхъ, или сама собою воспрїяла она къ любви таковое отвращенїе? нѣтъ, братецъ, отвѣчала ему сїя прекрасная и разумная дѣвица, Госпожа Контаринша столь строга, что не произнесетъ никогда предо мною имени любви; но я не имѣла нужды въ ея наставленїяхъ, дабы узнать оную; чувствуемая тобою любовь къ Гортансѣ и горячность ея къ тебѣ, довольно извѣстили меня о дви-

движенїяхъ сея страсти ; чувствованїи твои просвѣтили и мои, и научили меня, что естьлибъ я когда нибудь полюбила, то бы была несчастливѣйшая женщина на свѣтѣ будучи увѣрена, что мать моя не согласится никогда на мой выборъ, и что имѣетъ она мнѣнїи о моемъ замужствѣ со всѣмъ отличныя отъ моихъ ; я бы не могла имѣть инако какъ весьма несчастный жребїй, естьли бы сердце мое не было праздно тогда, когда бы восхотѣла она отдать меня за мужъ ; сїе то дѣлаетъ мнѣ любовь толь страшною.

Антонїо почитавшїй сестру свою за искреннюю прїятельницу, и желая, что бы Госпожа Контаринша заключила сугубый союзъ между Тортансою, Іустинїанїемъ, своею дочерью и имъ, обнадеживалъ сїю прекрасную особу, что вся власть, которую даетъ ему титулъ начальника своей Фамилїи, будетъ употреблена единственно на то, чтобъ здѣлать ее счастливою, что имѣетъ онъ друга, коего достоинства побуждаютъ его желать, дабы онъ ей понравился ; что увидитъ онаево во время Карнавала, и онъ крайне

 оши-

ошибется, естьли отвращенiе ея къ любви будетъ продолжаться при его взорѣ. Младая Изабелла отвѣтствовала на сiи слова неинако какъ на шутку, и онѣ разошлися, будучи весьма довольны другъ другомъ, во ожиданiи завтрешняго дня.

Антонiо вошелъ поутру въ домъ своего друга, и увѣдомилъ его о состоянiи дѣлъ; они извѣстили о семъ Гортансу и Луциллу, кои поѣхали тотчасъ, дабы быть съ Изабеллою, когда они придутъ. Все сiе предпрiятiе скрыли они отъ госпожи Iустинiанши, боясь, чтобы она тому не противилась; но какъ приобыкла она отпускать дочерей своихъ къ Изабеллѣ, когда имъ того хотѣлося, то не дивилась она сему посѣщенiю, коего предмѣтъ былъ, дабы поздравить ее съ тѣмъ, что будетъ она участницею празднества карнавала.

Госпожа Контаринша приняла ихъ съ радостiю, и просила сказать ей чистосердечно, не ласкалъ ли ей сынъ ея выхваляя толь много живописца римскаго. Гортанса и Луцилла говорили ей о немъ еще съ большею выгодою, и вселили въ нее крайнее желанiе его увидѣть. Что касается до

Изабеллы

Изабеллы, то нѣкоторая потаенная задумчивость овладѣла вдругъ ея сердцемъ; и какое ни прилагала старание преодолѣть оную, однако не могла прогнать оной: она приписывала оную сперва принужденію, въ коемъ необходимо должны быть тѣ, кои заставляютъ себя списывать; но не долго пребывала она въ семъ заблужденіи, и присутствіе Іустиніаніево скоро принудило ее познать источникъ сихъ внутреннихъ движеній.

Что до сего младаго господина, то ожидалъ онъ съ крайнею нетерпѣливостію того часа, въ который можно было видѣть сихъ госпожъ, дабы итти съ Антоніемъ къ Изабеллѣ: но когда оный наступилъ, то почувствовалъ онъ себя обладаема такимъ страхомъ, въ коемъ былъ невластенъ. Контарини примѣтивъ то, и будучи весма веселаго нрава, смѣялся надъ нимъ много: Іустиніани всячески старался, дабы отвѣчать ему тѣмъ же голосомъ, хотя въ самой вещи былъ онъ весьма удаленъ отъ издѣвокъ. Въ сихъ мысляхъ вошли они въ домъ госпожи Контаринши; она не видала никогда

Іустиніанія; и такъ не трудно было представить ей ево подъ другимъ имянемъ. Она находилась съ своею дочерью, Гортансою, и Луциллою, когда Антоніо повелъ его въ ея покой: вотъ, матушка, сказалъ онъ ей, славный Леонтій, коего вамъ представляю, и коего дерзаю просить васъ принять не столько по его художеству, сколько по дружбѣ, которую онъ ко мнѣ имѣетъ. Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, Изабелла и Іустиніани взирали другъ на друга съ крайнимъ вниманіемъ, госпожа Контаринша не менѣе имѣла онаго: она нашла въ живописцѣ такой видъ благородства и величества, который ее поразилъ: младость его привела ее во удивленіе, не могши повѣрить, что бы можно быть весьма знающу въ художествахъ безъ помощи лѣтъ; однакожъ приняла она его благосклонно, и примѣтивъ, что устремлялъ онъ всегда глаза̀ свои на дочь ея, и въ то время, когда отвѣтствовалъ на ея привѣтливости: Находишь ли ты, сказала ему усмѣхнувшись, что черты Изабеллины достойны твоего пензеля? Спросите лучше, сударыня, отвѣ-

отвѣчалъ онъ ей, можетъ ли пензель мой быть достоинъ несравненныя Изабеллы? Господинъ Контарини увѣдомилъ ужѐ меня о сїяющей ея красотѣ; но надобно, чтобъ онъ признался обще со мною, что все сказанное имъ мнѣ, несравненно уступаетъ тому, что я вижу. Ласкательство есть одно изъ первыхъ качествъ живописца, сказала покраснѣвъ Изабелла; и такъ не должно дивиться оказанному Леонтїемъ. Iустинїани отвѣчалъ на сїи слова̀ такимъ взоромъ, который досязалъ до внутренности сердца сея прекрасныя дѣвицы; и между тѣмъ какъ прїуготовляли все къ тому, дабы начать ее списывать, она упражнялась точїю въ разсматриванїи мнимаго живописца; находила въ немъ надмѣру много прелестей для простаго человѣка, и надмѣру много вольности для живописца; и какъ рѣдкое обхожденїе, кое имѣла съ людьми, не научило ее притворяться, то всѣ движенїи ея души видны были изъ глазъ ея такимъ образомъ, что не могли пребыть сокровенны отъ прозорливаго Антонїя, разсматривавшаго наималѣйшїе ея поступ-

ки со вниманїемъ. Гортанса и Луцилла горя желанїемъ увидѣть вышедшую вонъ госпожу Контаринщу, принуждали живописца начинать свою работу; и сїя минута была одна изъ тѣхъ, которыя причиняли наивеличайшее смятенїе въ Изабеллѣ. Іустинїани, коего любовь тогда совершенно взору ея покорила, продолжалъ, сколько можно, то время, кое потребно было къ порядочному ея установленїю; и возпользуясь всѣми правами живописца, то трогая прекрасныя ея руки, то разсматривая ее въ близи, то принуждая ее устремлять глаза̀ свои на него: возжегъ самъ то пламя, коимъ пылали онѣ другъ ко другу во все время своея жизни. На конецъ влюбленный Іустинїани взявъ дощечку и пензель началъ свою работу, и госпожа Контаринша побывъ еще нѣсколько времени, пошла въ свой кабинетъ къ великому удовольствїю сего младаго общества. Не успѣла она вытти, какъ веселый Контарини подошедъ къ своей сестрѣ: дражайшая моя Изабелла, сказалъ ей смѣючися, есть-ли для лучшаго подобїя надобно точїю разсматривать рачительно свой предмѣтъ.

предмѣтъ, то будешь ты власно какъ живая въ твоемъ портретѣ, потому что Леонтій провождаетъ большую часть времени взирая на тебя.

Что до меня, примолвила Гортанса не давъ ей времени отвѣчать, то я нѣсколько завидую сему изслѣдованію; ибо Леонтій не воспріималъ всѣхъ сихъ предосторожностей со мною. Ты столь прекрасна, отвѣтствовала ей младая Контарини, посмотрѣвъ на нее съ нѣжностію, что лице твое безъ сомнѣнія скоряе запечатлѣлося въ умѣ Леонтіевомъ, и не причинило въ немъ такого затрудненія, какъ мое. Ты не знаешь любезная Изабелла, пресѣкла шутливо Луцилла, есть сильныя тому причины, что бы Леонтій не былъ такъ пораженъ красотою моея сестры, какъ твоею; онъ другъ Антонію, сего довольно; но здѣсь ничто не принуждаетъ его сердца, и дабы лучше тебя запечатлѣть воономъ, прилагалъ онъ толико стараній, коими по видимому его укоряютъ. Сколь я счастливъ, сударыня, сказалъ тогда Іустиніани, что любезная Луцилла толь изрядно проницаетъ мою мысль, и хощетъ

тебя

тебя извѣстить объ оной. Но, сударыня, продолжалъ онъ, соблаговоли удостоить меня нѣкоторыми взорами, кои устремляешь ты на Гортансу; они необходимо мнѣ нужны, дабы здѣлать тебя таковою, какова ты въ самомъ дѣлѣ.

Изабелла, коея смятеніе умножалось при каждомъ словѣ произносимомъ мнимымъ Леонтіемъ, и которая усмотрѣла потаенные знаки между своимъ братомъ и сими обѣими пріятельницами, открыла глаза въ сію минуту, и воспомянувъ все слышанное ею о Іустиніани, познала часть истинны, или паче младое ея сердце единственно ее въ томъ извѣщало. Оно толь сильно поражено было при перьвомъ взорѣ на Леонтія, что тотчасъ пожелала она, дабы имѣлъ онъ породу ей равную; но не зная, по согласію ли братъ ея съ обѣими сестрами ее обманываетъ, или тайна сія точію произходитъ между имъ и живописцемъ, приняла намѣреніе притворяться, и здѣлалася не столь робкою. Воображая себѣ, что Леонтій не тотъ, чемъ хотѣлъ казаться, воспріяла паки обыкновенный

свой

свой нравЪ, и отговаривалась сЪ такимЪ благоразумїемЪ и прїятностїю отЪ всѣхЪ нападенїй Антонїя, Гортансы, и Луциллы, что Iустинїани смертельно вЪ нее влюбился: и сїе первое свиданїе не прошло бы можетЪ быть безЪ того, чтобЪ не оказалЪ онЪ своихЪ чувствованїй, естьли бы госпожа Контаринша не пришла положить тому препону своимЪ присутствїемЪ. ВсякЪ принялЪ на себя ревностный видЪ увидя ее появившуюся; и какЪ Антонїо хотѣлЪ промыслить сїе удовольствїе другу своему вЪ послѣдующїе дни, то сказалЪ ему, что довольно онЪ потрудился сей разЪ, прося его не преминуть притти на другой день.

Iустинїани уразумѣвшїй намѣренїе Антонїево, покинулЪ свою работу, не безЪ крайняго огорченїя, кое почувствовалЪ отЪ того, что принужденЪ былЪ разлучиться сЪ Изабеллою. ОнЪ воздохнулЪ сЪ печали: сїя любезная дѣвица услышала, и отвѣтствовала тому непримѣтно; но сердце ея не было болѣе вЪ ея власти, и сколь ни старалась того скрывать, однако не могла себя принудить довольно, дабы не показать

казать влюбленному Іустиніанію, что взоръ его былъ ей не равнодушенъ.

Что до него, то пошелъ онъ домой, влюбленный паче всѣхъ въ свѣтѣ. Гортанса и Луцилла остались обѣдать у Госпожи Контаринши, которая не покидала ихъ во весь день, что и лишило ихъ способовъ, разговаривать на единѣ съ Изабеллою. Антоніо послѣдовавшій за Іустиніаніемъ, лишь только находилъ себя свободнымъ разговаривать съ нимъ безъ свидѣтелей, какъ спросилъ его, какова показалася ему Изабелла, и удовольствовано ли его любопытство. Іустиніани почелъ было себя обиженнымъ симъ вопросомъ, думая, что довольно увидѣть сію несравненную особу, дабы быть подобно ему плѣненнымъ ею; и что самъ братъ не долженъ быть чуждъ отъ тѣхъ склонностей, кои она вперяетъ: но минуту спустя попрося у друга своего прощенія въ семъ родѣ заблужденія, подалъ ему толь изрядно знать всѣ движеніи своего сердца, что не могъ сомнѣваться о силѣ его страсти. Она началась ужѐ единственно при разсказываніи двоюродныхъ его сестръ о сей прекрасной дѣвицѣ, а

взоръ

взоръ ея возбудилъ въ немъ такую любовь, что требовалося точїю сїе свиданїе, дабы воспалить въ немъ совершенно оную; но сїе горячее пламя не овладѣло его сердцемъ, не ввергнувъ его въ жесточайшее смятенїе. Строгость госпожи Контаринши, власть ея неограниченная надъ своими дѣтьми, и страхъ, что бы не назначила она дщери своей другому, примѣшивали жестокїя безпокойства къ прїятнымъ воображенїямъ, коими съ начала веселился.

Онъ не скрылъ ни мало своихъ мыслей отъ младаго Контарини, который обѣщалъ ему толь изрядно служить у своей матери, что не будетъ она ему противиться, тѣмъ наипаче, что не можно ей заключить знатнѣйшаго союза; и послѣ сего обѣщанїя обое друзей вознамѣрились, что какъ скоро извѣстятся о склонностяхъ Изабеллиныхъ, то убѣдятъ госпожу Іустинїаншу за нее свататься, предлагая Гортансу за Антонїя, дабы оба сїи брака могли воспослѣдовать во время веселостей Карнавала. Между тѣмъ какъ разговаривали они такимъ образомъ о будущемъ своемъ благополучїи, прекрасная

Изабелла

Изабелла удалившаяся въ своей кабинетъ, приводя себѣ на память всѣ поступки живописца, разумъ его, пріятности и нѣжные взгляды, предавала нечувствительно сердце свое той страсти, которой она толь сильно опасалась.

Младость ея и недостатокъ искуства не возпрепятствовали ей познать ту стрѣлу, которая ее уязвила; она отъ того покраснѣла; проливала слезы; но слабое то было оружіе противъ ея побѣдителя. Тщетно для сраженія со онымъ съ успѣхомъ силилась она себя увѣрить, что Леонтій былъ не иное что какъ простый живописецъ, что она рождена для благороднаго, и что позорно ей будетъ унизить себя даже до того, чтобъ полюбить кого другаго: сія мысль изтреблялась скоро изображеніемъ самаго Леонтія, представляющаго ея взору не простымъ человѣкомъ, но таковымъ, какова она въ немъ желала, то есть, знатнымъ породою, почтеннымъ высочайшими достоинствами, членомъ славнаго Сената Венеціанскаго; на конецъ таковымъ, каковъ долженъ быть Іустиніани, естьли то былъ не самъ онъ;

и

и остановившись со удовольствїемъ на семъ послѣднемъ мнѣнїи, попустила свободное теченїе своей горячности.

Различныя ея разсужденїи довели ее толь далеко, что Контарини пришедъ къ ней, засталъ ее еще во оныхъ. Она измѣнилася въ лицѣ его увидя, и сей нѣжный братъ не разсудя за благо шутить съ нею такъ какъ съ Іустинїанїемъ, подошедъ къ ней весьма ревностно: Ты плѣнила Леонтїя, сказалъ ей, любезная моя Изабелла; естьлибъ имѣлъ онъ корону, то бы возложилъ оную на главу твою, и я бы хотѣлъ для твоего и моего счастїя, чтобъ взоръ его причинилъ такую же надъ сердцемъ твоимъ заразу, какую твой причинилъ надъ нимъ.

Какая для тебя въ томъ важность, государь, сказала она, посмотрѣвъ на него со вниманїемъ, чтобъ мы съ Леонтїемъ другъ другу понравились? Она толь велика, отвѣчалъ онъ ей, что я не могу надѣяться никакова въ жизни благоденствїя, естьли по несчастїю онъ тебѣ не полюбится. Ты мнѣ надмѣру милъ, пресѣкла она, дабы не соображать

склонностей моихъ съ твоими; и естьли бы имѣла я и отвращенiе къ Леонтiю, то бы домогалася преодолѣть оное, дабы не споборствовать твоему несчастiю; но любезный братъ, продолжала она, изъяснись обстоятельнѣе, естьли хощешь, чтобъ я тебѣ отвѣтствовала. увѣдомь меня, кто сей Леонтiй, коего надобно любить для твоего благоденствiя? Ты представилъ его моимъ взорамъ единственно какъ простаго живописца; а подъ симъ титуломъ не вижу я ничего могущаго воспрепятствовать мнѣ его позабыть, какъ скоро портретъ мой придетъ къ окончанiю. Можешь ли ты то здѣлать, отвѣчалъ ей съ торопостiю Антонiо, и не ужѐ ли сей мнимый живописецъ таковымъ созданъ, что бы выходить толь скоро изъ памяти? Говори, примолвилъ онъ, видя ее во изумленiи; повѣрь себя такому брату, который не имѣлъ ничего для тебя сокровеннаго. Что хочешь ты отъ меня, сказала ему Изабелла съ прелестнымъ видомъ? Ты столько испыталъ меня, что не можешь не знать моихъ мыслей: ты меня обманулъ. Леонтiй не то, что онъ быть кажется,

жется, и ты довелъ меня до сей опасной минуты, коей хотѣла я убѣгать во всю жизнь мою. Я предчувствовала мое несчастіе за минуту предъ тѣмъ, какъ привелъ ты ко мнѣ сего бѣдственнаго живописца; печаль, которая меня снѣдала, предвѣщала безъ сомнѣнія тотъ ударъ, который ты мнѣ нанесть вознамѣрился.

Но наконецъ, государь, не обвиняй никого кромѣ себя тою пропастію, въ которую я впала, и какъ ты сталъ виновникомъ моего несчастія, то поправь оное по крайней мѣрѣ, не допустивъ меня краснѣть долѣе отъ выбора моего сердца. Ахъ! вскричалъ Контарини, восхищенный радостію, онъ не можетъ быть славнѣе, потому что Іустиніани тому предмѣтомъ. Дражайшая моя Изабелла, продолжалъ онъ, люби его столько, сколько онъ тебя любитъ, естьли хощешь здѣлать меня обладателемъ прекрасныя Гортансы. Она на семъ договорѣ даетъ мнѣ свою руку, а ты причинишь мнѣ смерть, естьли будешь противна моимъ желаніямъ. Нѣтъ, любезный братъ, отвѣчала ему съ прискорбностію Изабелла, ты

не умрешь, естьли жизнь твоя зависитъ отъ склонностей моихъ къ Іустиніани; онѣ надмѣру согласуются съ твоимъ соизволеніемъ; но сердце мое предвозвѣстившее мнѣ, то, что сего дня со мною збывается, предсказуетъ мнѣ несчастіи, въ трепетъ меня приводящія; и госпожа Контаринша имѣетъ такой нравъ, который усугубляетъ точію страхъ мой и безпокойство. Антоніо употреблялъ все, чтобъ ее удостовѣрить, и увѣдомилъ ее о томъ, что госпожа Іустиніанша должна здѣлать по прозбѣ своего племянника, когда онѣ нѣсколько дней между собою увидятся подъ видомъ написанія портрета. Партія сія была толь благопріятна въ разсужденіи имѣнія и породы, что нѣжная Изабелла допустила по малу обласкать себя надеждою, поданною ей Антоніемъ, и сіе принудило ее не мыслить ни о чемъ какъ о удовольствіи увидя паки Іустиніанія. Сіи любовники, хотя во отдаленіи другъ отъ друга, не менѣе тѣмъ были соединенны въ сію нощь силою ихъ воображенія. Изабелла пробудившаяся, или во объятіяхъ сна, не видѣла никого

кого и не разговаривала ни съ кѣмъ, кромѣ Iустиніанія, а влюбленный Венеціанецъ имѣлъ ее всегда присутственною. Наконецъ сія обоюдная горячность долженствовала имѣть надмѣру чрезвычайныя слѣдствіи, дабы не быть безмѣрною съ самаго своего начатія. Между тѣмъ день насталъ; и когда Iустиніани думалъ, что можно ему итти въ домъ Кантариніевъ, тогда полѣтѣлъ туда. Антоніо принялъ его въ своей комнатѣ во ожиданіи, пока возможно ему будетъ ввесть его въ покои своея матери, которой надлежало приказать его позвать; и какъ хотѣлъ онъ увѣдомить своего друга о разговорѣ своемъ съ Изабеллою, то не досадовалъ онъ на сію медлѣнность.

Iустиніани горя нетерпѣливостію узнать, что мыслитъ о немъ сія прекрасная дѣвица, не умедлилъ у него спросить; но Антоніо пресѣкши его: тебѣ не осталося, чего желать, дражайшій мой Iустиніани, сказалъ ему, его обнимая, всѣ качества привлекшія къ тебѣ сердце братнино, удостовѣряютъ тебя и о склонностяхъ его сестры; и есть ли прав-

да, что любишь ты съ горячностїю, то можешь ласкать себя тѣмъ же. Iустинїани былъ надмѣру влюбленъ, дабы получить съ спокойствїемъ сїю вѣдомость. Она показалася ему толь благопоспѣшною, что не смѣлъ онъ ей сперва повѣрить. Не ласкай мнѣ, отвѣчалъ онъ ему нѣжно; я знаю себя, и вѣдаю, что принадлежитъ точїю одной несравненной Изабеллѣ заставлять себя любить съ перваго дня: любовь моя безмѣрна, чувствую, что умру, есть ли она меня возненавидитъ, но не имѣю довольно тщеславїя, дабы быть любимымъ.

Антонїо желая увѣрить его въ его благополучїи, разсказалъ ему все произшедшее между имъ и Изабеллою, и симъ разсказыванїемъ привелъ его въ такїя радостныя восхищенїи, кои не подавали причины Контаринїю сомнѣваться въ его любви: однако надлежало себя принудить, дабы предстать предъ его мать, которая въ самую ту минуту прислала за нимъ: Iустинїани послѣдовалъ за Антонїемъ съ такимъ страхомъ и безпокойствомъ, кои принуждали его смѣяться, не могши простить въ немъ сихъ движенїй

женій послѣ сказаннаго ему ; но сіе свойственно великимъ страстямъ, ибо сколь бы кто ни удостовѣренъ былъ въ томъ, что онъ нравится, однако думаетъ всегда, что еще не довольно понравился. Оба друга нашли госпожу Контаринщу съ Изабеллою, Гортансою и Луциллою : Изабелла закраснѣлась увидя Іустиніанія : она имѣла потаенный разговоръ съ обѣими сестрами, и увѣдомила ихъ о томъ, что знаемъ ею мнимый Леонтій ; и какъ сія первая повѣренность побудила ее признаться и въ тайности своего сердца, то находилась она еще въ нестроеніи объявивъ про то, когда Іустиніани появился: она всячески старалась убѣгать ево взоровъ; но любовь и домогательства живописца принудили ее обратить на него глаза свои. Тогда-то Леонтій воспользуясь преимуществомъ, кое подавало ему принятое имъ рукодѣліе, повелѣлъ очамъ своимъ говорить такимъ языкомъ, коего Изабелла еще по сю пору не знала, и который принудилъ ее отвѣчать на то съ равномѣрнымъ краснорѣчіемъ, Сей нѣмый разговоръ имѣлъ для нихъ толико

лико прелестей, что позабыли они совсѣмъ о присутствiи Госпожи Контаринши: Iустинiани не зная болѣе самъ себя, уронилъ дощечку свою и пензель и вставалъ ужѐ, дабы броситься къ ногамъ Изабеллинымъ, какъ Антонiо примѣтивъ сiе изступленiе, приближился къ нему подъ видомъ, что бы поднять упадшее, и сжавъ ему руку привелъ ево паки въ себя: всѣ сiи движенiи вывели также и Изабеллу изъ ея задумчивости; и чудясь тому, что толь мало имѣла власти надъ собою при глазахъ женщины съ природы безпокойныя и подозрѣвающiя, употребляла все свое старанiе, дабы себя воздерживать.

Но по счастiю обоихъ нашихъ любителей прекрасная Луцилла примѣтившая опасность, коей они подвергались, прося госпожу Контариншу посмотрѣть рисунка платка, который она вышивала, отвратила ее проворно отъ того, что бы присматривать за ихъ поступками, и сiя госпожа вышедши вѣ свой кабинетъ, какъ и на канунѣ, оставила имъ время изъясниться съ меньшею опасностiю. Iустинiани не хотя терять онаго, лишь только увидѣлъ

дѣлъ ее вышедшую, какъ бросился на колѣна предъ Изабеллою: не обвиняй меня дерзновенїемъ, прелестная Контарини, сказалъ ей, естьли поспѣшаю я объявленїемъ безмѣрныя любви, которую возжгла ты въ моемъ сердцѣ, часы сїи столь для меня драгоцѣнны, что не должно бы мнѣ было извѣщать тебя объ оной прежде какъ по оказанїи многихъ услугъ и угожденїй; но согласїе господина Контарини и принужденїе, въ коемъ ты живешь, побуждаютъ меня предварить то время, кое не могъ бы я препроводить не умерши, естьли бы не знала ты моего пламени.

И такъ въ присутствїи брата, который тебѣ милъ, при той, коей довлѣетъ быть его супругой, при глазахъ любезныя ея сестры; и на конецъ предъ небомъ и землею клянуся я тебѣ вѣчною любовїю, и дерзаю просить тебя подтвердить то лестное упованїе, кое чаялъ я обозрѣть изъ очей твоихъ. Прекрасная Изабелла была въ такомъ замѣшательствѣ, что сидѣла долго не могши отвѣтствовать: Гортанса и Контарини увидя ея смятенїе, просили

ее всеусердно не противиться собственному своему благополучію, сокрывъ отъ Іустиніанія благопріятныя расположеніи своего сердца; и когда братъ ея весьма ревностно требовалъ отъ ней сея благосклонности, тогда не хотѣла она болѣе скрывать горячности, которую не могла болѣе заключать въ предѣлахъ молчаливости.

И такъ посмотрѣвъ на Іустиніанія съ видомъ веселымъ: упущаю Леонтію, сказала ему, для ради Іустиніанія; и дозволяю Іустиніанію вѣрить всему тому, что глаза мои и братъ мой ему знать дали. Сіи краткія слова привели Леонтія въ такое восхищеніе, коего все его благоразуміе на силу воздержать могло; но Антоніо боясь возвращенія своея матери, просилъ его толь много себя принудить, и взять паки свой пензель, что склонился онъ на его прошеніе: и какъ госпожа Контаринша вошла, то остатокъ дня препроводили онѣ не могши продолжать толь пріятныхъ рѣчей.

Іустиніани казался еще нѣсколько дней подъ именемъ Леонтія, хотя привесть къ концу свою работу;

ту; и въ сїе краткое время Изабелла и онѣ познали толь совершенно взаимныя достоинства, что любовь вселилась на всегда въ сердца ихъ. Когда не могли они говорить другъ другу, тогда Гортанса и Контарини были ихъ истолкователями: онѣ писали часто симъ способомъ другъ ко другу; и пока портретъ не былъ готовъ, до тѣхъ поръ наслаждались прямымъ счастїемъ; но оно не могло всегда продолжаться: госпожа Іустинїанша желала имѣть участїе въ посѣщенїяхъ своихъ дочерей, а госпожа Контаринша начала скучать частымъ приходомъ живописца, который не могъ толь изрядно скрыть воспаляющаго его пламени, что бы не оказать нѣсколько искръ онаго въ ея глазахъ; и такъ въ противность всеобщему желанїю принуждены были окончать портретъ.

Какъ скоро работа кончилась, Леонтїй пошелъ, и не казался болѣе въ домѣ Контаринїевомъ, опасаясь, что бы хитрость его не открылася; но хотя въ отсутствїи отъ Изабеллы, находилъ однакожъ способы разговаривать съ нею чрезъ переписку: сїе невинное обхожденїе продолжалось

жалось до того времени, когда дозволено было младой Контарини итти къ госпожѣ Іустиніаншѣ: тогда то Антоній принуждалъ ее говорить его матери въ пользу своего племянника, и предложить ей сугубый союзъ. Сія госпожа будучи разумна и прозорлива, разсудила за благо учинить сей поступокъ не прежде какъ по прошествіи Карнавала: она имѣла слово отъ госпожи Контариншы въ разсужденіи Гортансы; но боялась предложить ей Іустиніанія для ея дщери, дабы сіе не отвратило ее повѣрить ей оную во время празднества, и утверждала мысль сію толь многими основательными причинами, что Іустиніани увидѣлъ себя принужденнымъ на то склониться; а сіе учинилъ онъ съ тѣмъ меншимъ затрудненіемъ, будучи обнадеженъ наслаждаться взоромъ Изабеллинымъ во время всѣхъ увеселеній Карнавала. Сіе время ожидаемое съ толикою нетерпѣливостію сими нѣжными любовниками на конецъ наступило, и открылося угожденіями Антонія къ Гортансѣ; балы въ его палатахъ, торжества и маскерады на каналахъ, доказывали равно его любовь и великолѣпіе.

Госпожа

Госпожа Контаринша, коея лѣта и нравъ не согласовались съ сими забавами, заперлась въ наиотдаленнѣйшую комнату своего дома, и поручила смотренїе за Изабеллою старой Госпожѣ Іустинїаншѣ, которая не покидала ее равно какъ дочерей своихъ; но съ сею отличностїю, что давала имъ всю вольность, коею долженствуютъ пользоваться младыя знатныя особы; правда, что не имѣла она много труда за ними присматривать: Гортанса не любила никого кромѣ Антонїя, а любезная Изабелла не хотѣла понравиться никому кромѣ Іустинїанїя; и такъ не трудно было удержать ихъ при ней: но естьли младая Контарини была равнодушна къ другимъ мущинамъ, то оные не думали равно съ нею: она показалась съ такою знатностїю во время празднества своего брата и у Іустинїанїя, что навела ему почти столькожъ солюбовниковъ, сколько бросала взоровъ. Между тѣми, коихъ любовь ей покорила, одинъ богатый и старый сенаторъ изъ знатнаго дому Оттобонїевъ, коего носилъ онъ имя, показался наиусерднѣйшимъ, хотя былъ онъ

онъ менѣе всѣхъ любви достоинъ: лѣ-
та его не дозволяющія ему предста-
влять любовника, и благопоспѣше-
ствующія ему въ тѣхъ вольно-
стяхъ, кои возбраняются молодымъ
людямъ, подали ему свободу имъ
желанную въ разсужденіи Изабеллы,
коей госпожа Іустиніанша предста-
вила его какъ почтеннаго мужа и
стариннаго друга. Сей случай пока-
залъ ему толико прелестей въ разу-
мѣ и особѣ сея прекрасныя дѣви-
цы, что предпріялъ стараться о
томъ, дабы соединиться съ нею не-
разрывнымъ союзомъ.

Но слѣдуя обычаю своея Націи,
лишъ только воспріялъ сіе намѣре-
ніе, какъ положилъ твердо, скры-
вать оное рачительно отъ Фамиліи
Іустиніаніевъ. Оттобони былъ мужъ
удивленія достойный для своего оте-
чества, но страшенъ для жены, ре-
внивъ, недовѣряющъ, притворчивъ,
задумчивъ и строгъ. Таковые недо-
статки не могли быть скрыты отъ
глазъ такой особы, которая владѣла
сердцемъ наисовершеннѣйшаго изъ
всѣхъ мущинъ. Различіе было над-
мѣру велико между Іустиніаніемъ
и Оттобоніемъ. дабы онаго не при-
мѣтить.

мѣтить. Изабелла не умедлила усмотрѣть оное, и воспріяла къ послѣднему столь же сильное отвращеніе, сколь сильна была горячность ея къ первому, не примѣтивъ однакожъ того, что тронула она его сердце.

Пронырливый Венеціанецъ не хотѣлъ объявить ей свою любовь; онъ отдавалъ себѣ справедливость, и зналъ довольно, что такая дѣвица, какова Изабелла, не лишена столько здраваго разума, дабы его полюбить; но сіе наименѣе всего его тревожило; и будучи увѣренъ, что понравится онъ матери великимъ своимъ богатствомъ, когда не могъ полюбиться дочери своею особою, пошелъ прямо къ Госпожѣ Контариншѣ, и сватался за нее со всею достовѣрностію человѣка неопасающагося отказа.

Въ самомъ дѣлѣ онъ не обманулся. Госпожа Контаринша, которая была почти такова же нрава, приняла сватовство его съ радостію, и не совѣтуя ни съ своею дочерью, ни съ своимъ сыномъ, дала слово свое старому Оттобонію; ибо партія сія показалася ей столь знатною, что не восхотѣла ему отказать. Они расположили все по своимъ

мыслямъ.

мыслямЪ, и привели вЪ такое состоянїе, что не доставало точїю подписанїя Изабеллина, дабы совершить церемонїю брака. Когда Оттобони увидѣлЪ себя удостовѣреннымЪ сЪ сей стороны, тогда хотѣлЪ успокоить и свое сердце. Красота Изабеллина его поразила; она могла поразить оною и другихЪ, и отдать сердце свое кому нибудь такому, который больше его достоинЪ любви ея. Сїя мысль снѣдающая его тайно, принудила его дать знать госпожѣ Контариншѣ, что надлежитЪ отозвать Изабеллу отЪ увеселенїй Карнавала, что довольно видѣла она ихЪ для своего познанїя; и какЪ она ужѐ помолвлена, то не пристойно ей быть при такихЪ веселостяхЪ, кои приличны только дѣвицамЪ ищущимЪ понравиться.

Всѣ сїи разсужденїи были по вкусу госпожи Контаринши, по чему она имЪ и не прекословила; и желая показать Оттобонїю почтенїе свое и угожденїе, приказала на другой день Антонїю привезти кЪ ней сестру свою, которая находилась у госпожи Їустинїанши. Удивленїе его было несказанно, получа сїе повелѣнїе.

и

и боясь того, не открыла ли она прежде времени любви его друга, просилъ ее, сказать ему, что принудило ее, лишить толь скоро Изабеллу невинныхъ увеселенiй, и не произошло ли чего нибудь такого, чтобы могло ей не нравиться. Нѣтъ, отвѣчала она ему; но какъ Изабелла не имѣетъ болѣе зависѣть ни отъ самой себя, ни отъ меня, то надобно намъ обѣимъ сообразоваться съ намѣренiями того, который скоро ею обладать будетъ. Я отдаю ее за мужъ, продолжала она; и увѣрена, что выборъ мой будетъ тебѣ не непрiятенъ, по тому что палъ онъ на господина Оттобони. Порода его, и великое богатство суть достаточныя причины къ побужденiю тебя, похвалить оный

Антонiо поднялъ ужасный крикъ при наименованiи Оттобонiя, и пораженный жесточайшею печалiю, бросился къ ногамъ своея матери, моля ее перемѣнить свое намѣренiе. Онъ употребилъ, чтобы подвигнуть ее, прозьбы, слезы и всѣ причины удобныя ко отвращенiю ее отъ толь неравнаго союза; но она была неупросима; и грозила ему, что пойдетъ

 сама

сама за своею дочерью къ госпожѣ Іустиніаншѣ, и уничтожитъ договоръ заключенный между ими о бракѣ его съ Гортансою; принудила его послушествовать. Между тѣмъ, какъ готовился онъ принести сей жестокій ударъ, любовники наши находились вмѣстѣ, и не воображали себѣ причины довлѣющей ихъ разлучить. Никогда не бывали онѣ толь довольны другъ другомъ; и никогда не говаривали того съ толикимъ благоразуміемъ и горячностію. Разговоры ихъ произходившіе всегда въ присутствіи госпожи Іустиніанши, подавали ей такое удовольствіе, которое казалося ее оживотворять. Она благословляла ихъ ежеминутно, желая имъ неисчестнаго благодеиствія. Она находилась еще въ семъ пріятномъ упражненіи, когда увидѣли онѣ вошедшаго Антонія, но толь измѣнившагося, что неможно было его узнать. Онѣ побѣжали къ нему всѣ, дабы узнать тому причину. Изабелла любившая его искренно, не могла видѣть его въ семъ состояніи, не потревожась, и трепещуща спрашивала у него, что ему сталося. Іустиніани, называвшій его всегда своимъ

своимъ братомъ, видя, что взираетъ онъ на всѣхъ ихъ не промолвя ни единаго слова, обнялъ его; и прижавъ къ своей груди: любезный братъ, сказалъ ему, какое несчастїе съ тобой случилося! какую скорбь чувствуешь ты! для ради всего того, что тебѣ мило, успокой наше мученїе. Госпожа Іустинїанша просила его о томъ, указывая на прелестную его сестру всю въ слезахъ утопавшую отъ того состоянїя, въ коемъ онъ находился.

Сей предмѣтъ принудилъ его пролить оныя и силясь говорить: Ахъ! дражайшїй мой Іустинїани! Ахъ! возлюбленная моя Изабелла! мнѣ ли надлежало пронзать сердце ваше! При сихъ словахъ онъ остановился, и упадши въ кресла, испуская глубокїе вздохи, подалъ имъ довольно знать, что не имѣлъ ничего кромѣ плачевнаго имъ донести. Влюбленный Іустинїани не обманулся въ томъ: видъ и слова Антонїевы извѣстили его о его несчастїи; и когда его выслушалъ: я пропалъ, вскричалъ онъ, конечно хотятъ похитить у меня Изабеллу. Такъ, любезный братъ, отвѣчалъ прискорбно

 Антонїо,

Антонiо, надобно вамъ разлучиться; госпожа Контаринша помолвила ее за Оттобонiя, и я имѣю повелѣнiе привезти ее къ ней. Прекрасная Изабелла лишь только услышала окончанiе сихъ словъ, слезы проливаемыя ею, въ сiю минуту обсохли, и потерявъ употребленiе своихъ чувствъ, упала въ обморокѣ въ объятiи Гортансы и Луциллы.

Не требовалось болѣе предмѣта толь чувствительнаго для Iустинiанiя, дабы побудить его позабыть первую вину своего отчаянiя, и сколь ни гнусною казалась ему необходимость видѣть Изабеллу въ рукахъ другаго, однако потерянiе ея жизни было для него стократно жесточае; онъ побѣжалъ въ изступленiи на помощь сея прекрасныя особы. Стоялъ у ногъ ея, обнималъ ея колѣна, орошалъ руки ея своими слезами, моля ее жить и дать ему одному умереть отъ любви и печали.

Госпожа Iустинiанша и любезныя ея дщери прыскала разными водами на Изабеллу, дабы привести ее въ чувство, а печальный Антонiо прохаживался большими шагами по комнатѣ, не зная самъ, что дѣлалъ.

При-

прискорбїе сихъ шести особъ было тѣмъ сильняе, что не смѣли онѣ призвать къ тому свидѣтелей, не хотя дать знать никому о своей тайнѣ. На конецъ прекрасная Контарини по многихъ мученїяхъ пришла въ себя, и несчастный ея любовникъ вообразилъ себѣ, что превозмогъ онъ тогда всѣ злоключенїи, по тому что она еще жива. Обое говорили другъ другу толь нѣжныя слова, что внушили бы въ самыя безчеловѣчныя сердца сожалѣнїе; да и имѣли хотя то удовольствїе, что слезы ихъ провождаемы были слезами госпожи Іустинїанши, ея дочерей и Антонїя, кои всѣ по безмѣрной своей печали, казалися быть въ подобномъ имъ состоянїи.

Между тѣмъ время приближалось, что бы госпожа Контаринша, желая нетерпѣливно увидѣть паки Изабеллу, не пришла сама за нею; и дабы избѣжать ея взора, надобно было необходимо, чтобы сїи несчастные любители разлучилися. Сїя разлука, казавшаяся имъ быть вѣчною, происходила съ обѣихъ сторонъ съ воплемъ и рыданїями, кои легче уразумѣть нежели опи-

 сать

сать возможно. Іустиніани потерявъ разумъ хотѣлъ себя умертвить, другъ ево не хотѣлъ ево пережить, и сія минута была бы можетъ быть вѣчнымъ знакомъ памяти плачевнѣйшаго кровопролитія, естьли бы удивительная Изабелла не собрала въ себѣ одной всей твердости, коей въ другихъ недоставало. Она удушила свои рыданіи, удержала свои слезы, и приближась къ Іустиніанію, который не зналъ самъ себя, взяла его руку, и воззрѣвъ на него со всею горячностію, каковую чувствовало ея сердце: любезный мой Іустиніани, сказала ему, я тебѣ повелѣваю жить, и жить для ради меня, по тому что отдавая мою руку, никто не властенъ отдать мое сердце: оно твое, ничто не удобно его у тебя похитить, помысли же, что тотъ самый ударъ, который пронзитъ твое сердце, поразитъ купно и мое; и пусть будетъ для тебя отрадою видѣть меня преданную предмѣту моего омерзѣнія, не могши быть врученной всему тому, чего нѣтъ для меня драгоцѣннѣе. Послѣ сего объявленія предъ такимъ братомъ,

на

на коего взираю я какъ на своего властелина, дай время печальной Изабеллѣ призвать всю свою добродѣтель: подкрѣпи мое благоразумїе собственнымъ твоимъ разумомъ, и не вмѣняй себѣ въ обиду, естьли для учиненїя себя достойнѣйшею твоего почтенїя, употребляю я всѣ мои старанїи, дабы заслужить любовь твоего совмѣстника.

При сихъ словахъ бросясь въ объятїи своего брата, принуждала его вытти изъ покоевъ госпожи Іустинїанши, не хотя слушать отвѣта несчастнаго своего любовника. Антонїо пораженный печалїю, отвелъ ее къ своей матери, которая увидя ее, усмотрѣла, что проливала она слезы; но будучи самовластна, не менѣе пребывала тверда въ своемъ жестокосердїи, и воззрѣвъ на Изабеллу съ строгимъ видомъ: увеселенїи Карнавала, сказала ей, снискали тебѣ супруга; готовься принять его съ радостїю, и не противься моему выбору, какъ твой братъ. Изабелла не отвѣчала на сїи слова инако, какъ упавъ къ ногамъ своея матери, моля не от-

лучать ее отъ себя толь скоро. Антонїо прилагалъ новыя старанїи: но она была неумолима, и назначила имъ сей бѣдственный бракъ чрезъ недѣлю безъ всякой церемонїи, а бракъ Контаринїевъ съ Гортансою чрезъ недѣлю спустя послѣ онаго. По томъ приказала Изабеллѣ жить въ комнатѣ подлѣ себя, гдѣ никто не имѣлъ свободы ее видѣть и съ нею разговаривать, естьли она не была притомъ присутственна. Но сїе уединенїе было наималѣйшее изъ ея несчастїй; взоръ Оттобонїя не покидавшаго ее до самаго дня брака, былъ для нее наисовершеннѣйшимъ мученїемъ.

Между тѣмъ какъ испытывала она все, что ненависть и любовь имѣютъ жесточайшаго, Iустинїани предавался наипоноснѣйшему отчаянїю. Иногда хотѣлъ итти укорять госпожу Контариншу ея жестокосердїемъ; иногда хотѣлъ заколоть кинжаломъ Оттобонїя; но всѣ сїи насильства кончились всегда тѣмъ, что бы умереть самому. Антонїо не могши утѣшать сестру свою, не покидалъ своего друга. Гортанса и Луцилла старались всегда

да повторять ему послѣдніяслова Изабеллины, дабы принудить его успокоиться. На конецъ разумныя увѣщаніи госпожи Іустиніанши, стараніи любезныхъ ея дочерей, и домогательства Антоніевы привели его въ состояніе слушать приглашенія разума; и какъ мало было такихъ людей, кои имѣли толь совершенный разумъ, то употребилъ онъ его при семъ случаѣ въ свою пользу, дабы не дѣлать ничего недостойнаго; онъ еще былъ столь благоразуменъ, что просилъ Контаринія не показывать ничего ево солюбовнику могущаго подать ему подозрѣніи противъ Изабеллы, представляя ему, что благополучіе республики требуетъ того, дабы большія Фамиліи не казалися имѣть никаковой вражды между собою; и умѣлъ толь изрядно себя принудить, что никто не имѣлъ познанія о смущеніи его сердца.

Но весь его разумъ и вся его Философія не служили ему нимало противъ любви. Оная взяла надъ нимъ новыя силы полагаемою ей препоною; и не могши перестать обожать Изабеллу, ниже обнародо-

вать ея вѣрность, хотѣлъ по крайней мѣрѣ разглагольствовать о томъ съ самимъ собою на свободѣ, такъ что никакое упражненіе не могло въ немъ истребить оной; и для сей причины изгналъ всѣ забавы изъ своего дому, и заключилъ себя во ономъ прервавъ сообщество со всѣми, не бывъ видимъ никѣмъ кромѣ Антонія, и не выходя никуда кромѣ Сената. Сей поступокъ не казался чрезвычайнымъ: всякъ воображалъ себѣ, что оный не имѣлъ другихъ причинъ, кромѣ старанія его о дѣлахъ государственныхъ: но нѣжная Изабелла извѣщанная о томъ Гортансою, находила прямую тому причину во внутренности его сердца. Она препроводила наижесточайшія минуты до дня своего брака, который почти былъ и днемъ ея кончины; по тому что она паче была влекома нежели ведена ко олтарю. Мать ея не подозрѣвая ее никаковымъ тайнымъ обязательствомъ, думая, что отвращеніе ея происходитъ отъ престарѣлыхъ лѣтъ Оттобоніевыхъ, нечувствительна была къ тому состоянію, въ коемъ показалася она при сей церемоніи, а старый Венеціанецъ не

непекшійся о томъ, чтобъ быть любимымъ, лишь бы только себя удовольствовать, взиралъ на ея задумчивость и частые обмороки, какъ на толико случаевъ восторжествовать надъ сею невинною жертвою. На конецъ сей бракъ совершился столь печальнымъ образомъ, сколь легко было предвидѣть, что не будетъ оный никогда благополученъ.

Неутѣшная Изабелла отвезена была въ домъ стараго Оттобони, и предана всей власти, которую ему надъ ней дали. Она думала стократно умереть разлучаясь съ своимъ братомъ и съ Гортансою, которыя ее провождали; но какъ зло сїе было безъ поправленїя и надежда видѣть ихъ на всякой день, нѣсколько ее успокоила, то прилагала она всѣ свои старанїи, дабы не подать никакой причины къ жалобамъ своему супругу, коего нравъ безпутный и ревнивый былъ ей свѣдомъ; она старалась казаться гораздо веселяе, дабы не присоединять горести къ счастїю Антонїеву, который недѣлю спустя послѣ ея брака женился на прекрасной Гортансѣ. Оттобони до сего времени оказывалъ толико угожденїй Изабеллѣ,

лѣ, что почитала она, судьбу свою не столь жалости достойною, и что помощїю разума и своея добродѣтели возможетъ утушить любовь хранимую ею къ Іустинїанїю; но въ день брака Антонїева будучи принуждена показаться глазамъ сего нещастнаго любовника, не могла принудить себя къ тому, что бы не оказать части своея печали; она упала въ обморокъ, а влюбленный Іустинїани, бывъ не въ лучшемъ состоянїи, оказалъ толико смущенїя при семъ незапномъ злоключенїи, что ревнивый Оттобони воспрїялъ отъ того подозрѣнїе, и подъ видомъ, будто компанїя ей въ тягость, повезъ ее въ свой домъ, въ твердомъ намѣренїи, не впускать во оный никого изъ тѣхъ, кои имѣли согласїе съ Іустинїанїемъ, коего достоинства казалися ему тѣмъ опаснѣе, что воспомянулъ онъ тогда о согласїи, въ коемъ жилъ прежде съ нимъ Антонїо.

И такъ отъ сего дня объявилъ онъ прекрасной Госпожѣ Оттобонщѣ, что бы не имѣла она болѣе никакова обхожденїя съ братомъ своимъ и его супругою: ты имѣешь довольно

вольно женщинѣ, сказалъ онъ ей, въ твоихъ чертогахъ для препровожденія времени; лѣта мои не сообразуются съ сею младостію, а тебѣ не прилично быть тамъ безъ меня. Сіи слова сказанныя съ строгимъ видомъ пронзили сердце Изабеллино: она познала тогда всю гнусность своея судьбины, и что нѣтъ столь строгаго въ свѣтѣ благоразумія, кое бы безопосно было отъ подобнаго сему поступка.

Тихость, нѣжность, благородные и ласковые поступки Іустиніаніевы пришли ей въ количествѣ во умъ, и сравненіе, кое дѣлала между оными, и жестокостію и безпутствомъ своего супруга, возбудивъ прежній ея жаръ, здѣлали ее наизлополучнѣйшею въ свѣтѣ женщиною: однако принуждала она себя, отвѣтствуя ему съ покорностію, что онъ надъ нею властелинъ, и сколь бы ни жестокою показалася ей требуемая имъ жертва, однако вмѣняетъ она всегда себѣ въ законъ ему быть послушною. Сіе угожденіе не смягчило Оттобонія: будучи увѣренъ видѣннымъ, что Іустиніани влюбленъ въ Изабеллу, и что всѣ ея движеніи прежде брака произходили отъ нѣкоего согласія

гласія между ими, здѣлалъ онъ монастырь изъ своего дому, не дозволяя и госпожѣ Контариншѣ видѣть дочь свою, и опредѣлилъ къ ней только такихъ женщинъ, коихъ зналъ онъ строгость. Таковые поступки возмутили всю фамилію Контаринiевъ, и возбудили смятеніе въ домѣ Іустиніаніевомъ; но всѣ ихъ неудовольствіи не побудили Оттобонія поступать инако, и прелестная ею супруга препровождала жизнь толь печальную и толь скучную сопряженную съ прилагаемымъ ею стараніемъ, дабы преодолѣть омерзѣніе, кое имѣла къ своему супругу, что впала въ смертельную болѣзнь шесть мѣсяцовъ спустя послѣ своего брака.

Она находилась въ толь жалостномъ состояніи, что Оттобони принужденъ былъ призвать къ себѣ госпожу Контариншу, но не хотѣлъ никогда видѣть у себя Антонія. Сія госпожа поступкою зятя своего стократно приходившая въ раскаяніе, что жертвовала ему своею дщерію, и ежедневно подверженная укоризнамъ своего сына, побѣжала съ торопостію къ Изабеллѣ, коей обмочила лице слезами, увидя ее въ готовности

сти испустить послѣдній вздохъ. Печаль ея и присутствіе произвели толь жестокое дѣйствіе надъ умирающею Изабеллою, что потеряла она отъ того со всѣмъ употребленіе своихъ чувствъ; сперьва думали, что сіе произошло отъ слабости; но какъ всѣ лѣкарства были безплодны къ возвращенію ей жизни, то не сомнѣвались въ томъ, что она умерла; и когда думали всѣ быть въ томъ удостовѣрены, тогда домъ Оттобоніевъ раздавался повсюду воплемъ и рыданіемъ. Госпожа Контаринша испускала ужасныя всхлипыванїи: всѣ женщины Изабеллины рвали у себя волосы: она привела себя у нихъ въ такую любовь, что не взирая на ревность Оттобоніеву, могла бы она ево обмануть, естьли бы имѣла менѣе добродѣтели: старый Венеціанецъ менѣе всѣхъ печалился, хотя и чувствовалъ сіе несчастіе; но не нашедъ въ бракѣ своемъ тѣхъ пріятностей, кои себѣ представлялъ, при томъ воображая себѣ, что присмотръ за младою женою болѣе тягостенъ, нежели пріятенъ, утѣшалъ себя о своей потерѣ, и взиралъ уже на оную, какъ на уменшеніе

бремяни

бремяни спадшаго съ его престарѣлыхъ лѣтъ; на конецъ когда время назначенное для испытанія подлинныя смерти миновало, и госпожа Оттобонша не показывала ни малѣйшаго знака къ возвращенію жизни, тогда не помышляли ни о чемъ больше какъ о ея погребеніи, которое послѣдовало съ большею знатностію и великолѣпіемъ, нежели несчастный бракъ ея. Слухъ о ея смерти лишь только пронесся въ Венеціи, какъ всякой сожалѣлъ жестоко о Антоніѣ, коего извѣстна была горячность къ сестрѣ своей; но когда узнана она была Іустиніаніемъ, тогда думали въ его домѣ, что послѣдуетъ онъ во гробъ за Изабеллою; однакожъ не взирая на безмѣрную свою печаль, имѣлъ онъ о сей смерти сомнѣніе, коего не могъ преодолѣть, и гонимъ будучи сими чрезвычайными движеніями, а еще болѣе жестокостію своея любви, принялъ намѣреніе умереть надъ тѣломъ сея прекрасныя женщины. Сія мысль промыслила ему нѣкоторый родъ отрады; и дабы лучше исполнить плачевное свое намѣреніе, скрывалъ оное съ крайнимъ раченіемъ: и когда ночь наступила

наступила, вышелъ онъ изъ своего дому, въ провожанiи одного служителя, къ коему имѣлъ полную довѣренность, и пошедши въ церковь, гдѣ почивало тѣло Изабеллино, приказалъ позвать того, который хранилъ ключи отъ той пещеры, куда ставили мертвыхъ; ибо обыкновенiе тоя земли было, погребать ихъ съ открытымъ лицемъ въ свинцовыхъ гробахъ поставляемыхъ въ погребахъ, назначенныхъ къ сему употребленiю, гдѣ многiя свѣщи горятъ денно и ночно. Когда сей старецъ пришелъ, тогда Iустинiани просилъ его, чтобы не отказать ему въ удовольствiи, помолиться надъ гробомъ госпожи Оттобонии, и уважилъ прозьбу свою толь богатымъ подаркомъ, что благочестивый отецъ почелъ за долгъ въ томъ ему не отказать; но какъ сiя набожность не производилася обычайно въ такiе часы, то принялъ онъ всѣ предосторожности, потребныя къ воспрепятсвованiю того, что бы моленiе Iустинiанiево было скрытно, и провелъ его съ великою тайностiю въ сiе плачевное мѣсто.

Сей нѣжный любовникъ лишь только туда вошелъ, какъ почувствовалъ радость и спокойствіе души, коихъ не вкушалъ онъ долго. Не было нужды указать ему Изабеллу. Онъ узналъ ее тотчасъ; гнусность смерти толь мало видима была на лицѣ ея, что почелъ онъ ее паче за особу погруженную въ глубокомъ снѣ, нежели за разлучившуюся съ жизнію. Іустиніани не могши болѣе воздерживать терзаемыхъ его восхищеній, бросился на гробъ, и даровавъ любви своей въ сію печальную минуту такія вольности, коихъ бы онъ никогда не здѣлалъ съ живою, принесъ уста свои на уста покойницины съ такою жестокостію, что чаялъ вызвать сію прекрасную душу изъ гроба. Въ самомъ дѣлѣ показалося ему, будто почувствовалъ онъ нѣкоторую теплоту на губахъ ея: сія мысль побудила его усугубить свои ласки, произнося наичувствительнѣйшія выраженіи; и либо сильное его стремленіе имѣло болѣе силы нежели всѣ врачеваніи, либо была то минута, назначенная для окончанія обморока Изабеллина: испустила она вздохъ, не дозволявшій

вшій болѣе сомнѣваться о ея жизни; старецъ чуть не упалъ мертвъ отъ ужаса, а служитель отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ; но влюбленный Іустиніани, тронутый радостію и восхищеніемъ, не теряя времени въ пустыхъ словахъ, срываетъ долой покрывало, и вынимая тѣло изъ гроба съ помощію сихъ обоихъ свидѣтелей, выноситъ оное изъ погреба; какъ свѣжій воздухъ побудилъ еще воздохнуть Изабеллу, то любовникъ ея удостовѣренъ будучи въ своемъ счастіи, бросился къ ногамъ сего старца, и просилъ его толь неотступно отдать ему сію Госпожу, и хранить сію тайну, что помощію вторичнаго подарка, получилъ желаемое; тотчасъ Іустиніани и его наперстникъ взявъ на себя сіе драгоцѣнное бремя, выходятъ изъ пещеры, и доносятъ оное до дому Іустиніаніева, не имѣя никакой худой встрѣчи. Іустиніани лишъ только пришелъ домой, какъ приказалъ позвать своихъ врачей, и понесъ Изабеллу въ комнату отдѣленную отъ всѣхъ другихъ; тамъ положили ее на постелю, пустили ей кровь, и

сія скорая помощь сопряженная съ движеніями, причиненными ей, несучи ее, привела ее совершенно въ себя, но съ весма малымъ познаніемъ. Врачи и лѣкари запретили съ нею говорить; и какъ Іустиніани сыпалъ золото полными руками, дабы зажать имъ уста, и возбудить въ нихъ рачительное смотрѣніе за сею больною красавицею, то были они вѣрны въ томъ и другомъ, и неутомимыми своими стараніями привели Изабеллу въ состояніе себя познать. Іустиніани опредѣлилъ къ ней такихъ людей, въ коихъ былъ увѣренъ, и кои не имѣли инаго упражненія, кромѣ исполненія его повелѣній.

Онъ запретилъ имъ только объявлять ей то, что съ нею случилось, продоставя для себя удовольствіе увѣдомить ее о семъ произшествіи; но хотѣлъ ожидать, что бы была она совсѣмъ внѣ опасности, и не казался предъ нее до сей самой минуты, приходя токмо въ комнату ея тогда, когда она спала, дабы имѣть удовольствіе разсматривать ее на свободѣ. Какая радость для души нѣжной и чувствительной вырвать изъ челюстей смерти толь милую особу! какое

пріятное

пріятное удовольствіе, увидѣть ее паки ожившею посредствомъ своихъ стараній и любви! Теперь-то, говорилъ онъ иногда самъ себѣ, взирая на нее спокойно почивающую, теперь то всѣ сіи красоты мнѣ принадлежатъ: сіи розы и лилеи, кои раждаются на прекрасномъ лицѣ семъ, суть труды мои: не можно по правосудію лишить меня обладанія оныхъ. Но увы! пресѣкалъ онъ, надмѣру любви достойная Изабелла, ты перьвая заплатишь неблагодарностію за сей знатный опытъ моего пламени: строгая твоя добродѣтель лишь только увидитъ Іустиніанія, какъ противъ него возмутится. Сія мысль умѣряла часто безмѣрное его удовольствіе, но не препятствовала ему приносить благодареніе Небу за то, что избрало оно его ко избавленію ея жизни, хотя бы то было для того, чтобъ возвратить ее своему совмѣстнику.

Между тѣмъ, какъ провождалъ онъ толь сладкія минуты, госпожа Контаринша молилася о дщери своей денно и нощно, и укоряла себя непрестанно тѣмъ, что жертвовала ею старому Оттобонію.

что касалося до него, то онъ ужѐ утѣшился, и помышлялъ точїю о семъ уронѣ для того, дабы положить на мѣрѣ, не вступать болѣе никогда во обязательство брачное. Антонїо и прекрасная Гортанса не были такъ какъ онъ спокойны: онѣ сожалѣли многократно на всякъ день о Изабеллѣ; и какъ видѣли часто Іустинїанїя, и примѣчали въ немъ видъ удовольствїя, коего не могъ онъ скрыть, то увѣряли себя, что смерть и время изтребили совершенно любовь его и печаль; и сїя мысль толь сильно вкоренилась во умъ ихъ, что не могли онѣ воздержаться, дабы не дѣлать разсужденїй предосудительныхъ всѣмъ мущинамъ вообще. Какую надежду довлѣетъ возлагать, говорила Гортанса своему супругу, на постоянство любовниковъ! Кто бы не думалъ, что бы Іустинїани не хранилъ пламени своего до гроба: однакожъ Изабелла не успѣла умереть, какъ ужѐ позабылъ онъ даже до ея имени. Контарини почитая равно какъ и она, что другъ ея рано утѣшился, осуждалъ его такожде, и воспрїялъ сей случай, дабы клясться предъ супругою своею вѣчною любовїю.

Между

Между тѣмъ сія Изабелла, подававшая поводъ къ таковымъ разсужденіямъ, воспріимала нечувствительно свои силы; память и познаніе возвратилися къ ней по прежнему, и съ крайнимъ удивленіемъ увидѣла она себя окруженную пятью или шестью женщинами, коихъ не знала: разсматривала долго свою комнату и постелю: великолѣпіе ихъ ее не удивило, но новость оныхъ привела ее въ изумленіе. Женщины имѣя повелѣніе наблюдать всѣ ея движеніи, приближились къ ней, и спрашивали у ней почтительно, чего она желала. Тогда будучи посмѣляе, приподнявшись нѣсколько! Гдѣ я, сказала она имъ? Можете ли вы увѣдомить меня что со мною случилося? Отъ чего произходитъ, что не вижу я здѣсь Госпожи Контаринши, и что супругъ мой не предстаетъ глазамъ моимъ? Онъ ли опредѣлилъ васъ ко мнѣ? Въ его ли я домѣ, или у моего брата?

Государыня, отвѣчала ей перьвая изъ женщинъ, мы не знаемъ въ семъ мѣстѣ иной Госпожи, кромѣ васъ, ниже инаго господина, кромѣ Іустиніанія. Іустиніанія! вскри-

чала съ жаромъ Изабелла; но какимъ случаемъ . . . ? Государыня, отвѣчала ей таже женщина, все, что съ вами случилося, не можетъ никѣмъ открыто быть кромѣ ево самово: во ожиданiи того, пока придетъ онъ васъ отомъ увѣдомить, довольствуйтесь тѣмъ, что имѣете при себѣ людей подвластныхъ вашему соизволенiю, и всячески старающихся о сохраненiи вашей жизни. Изабелла не отвѣчала ничего на сiи слова̀: будучи погруженна въ своихъ мысляхъ, искала проникнуть сiю тайну безъ помощи другихъ; но не могши въ томъ успѣть, хотѣла лучше хранить безмолвiе. Тотчасъ увѣдомили Iустинiанiя о томъ, что она говорила, и что желаетъ видѣть мать свою: сей совершенный любовникъ послалъ въ самую ту минуту за Контаринiемъ и его супругою; и какъ посланный былъ скоропоспѣшенъ, то пришли онѣ немедлѣнно.

Вамъ однимъ, сказалъ имъ Iустинiани, хощу я повѣрить такую тайну, отъ коей зависитъ совершенно жизнь моя. При сихъ словахъ поведши ихъ въ кабинетъ, бывшiй за

кроватью

кроватью Изабеллиной: останьтесь здѣсь, продолжалъ онъ, и что бы вы ни услышали, обѣщайте мнѣ, не показываться, дотѣхъ поръ, пока не буду я васъ о томъ просить; по томъ отворивъ дверь кабинета, вошелъ онъ въ комнату Изабеллину, оставя Гортансу и ея супруга въ великомъ любопытствѣ узнать, чѣмъ кончится сія церемонія. Іустиніани приказалъ отдернуть всѣ занавѣски; и повелѣвъ женщинамъ госпожи оттобонши вытти, бросился на колѣни предъ ея постелею, по сторону дверей кабинета. Сія прекрасная женщина узнала голосъ ево, когда отдавалъ повелѣніе, и какъ удивленіе ея не дозволило ей говорить, то увидѣла она его въ семъ уничиженномъ положеніи, не могши вымолвить ни единаго слова.

Онъ позналъ все смущеніе изъ глазъ ея, взявъ у ней руку, которая была спущена съ постели: на конецъ прелестная Изабелла, сказалъ ей, ты живешь, и живешь стараніями вѣрнаго Іустиніанія: онъ вырвалъ тебя изъ гроба, въ который положилъ тебя жестокосердый твой супругъ; узнаешь ли ты еще меня, и сердце

 твое

твое еще ли чувствуетъ какое нибудь услажденіе, что моей искреннѣйшей любови долженствуешь ты жизнію? Все то, что я вижу, и все, что слышу, отвѣчала она ему гласомъ слабымъ и трепещущимъ, приводитъ меня въ такое удивленіе , что сомнѣваюсь я, существенна ли та жизнь, о коей ты меня извѣщаешь; я думаю , что мнѣ снится, и что единственно сей сонъ представляетъ Іустиніанія моему взору. Какъ же, продолжала она, могу я себѣ вообразить, увидѣть его одного со мною въ дому Оттобоніевомъ. Ахъ! государь , изъясни мнѣ пожалуй сіе таинство; и естьли хощешь, чтобъ выслушала я тебя безъ страха , повели войти моимъ стражамъ, или покажи мнѣ мать мою или моего брата.

Ты не имѣешь нужды, сударыня, отвѣчалъ ей Іустиніани, въ другихъ свидѣтеляхъ моихъ поступокъ, кромѣ почтенія , которое я къ тебѣ имѣю; увидишь скоро тѣхъ , ково желаешь; но дай мнѣ насладиться еще нѣсколькими минутами моего благоденствія, и дозволь, чтобъ увѣдомилъ я тебя безъ нихъ о дѣйствіяхъ

ствїяхъ моей любви. Тогда не давъ ей времени отвѣтствовать, увѣдомилъ ее о всѣхъ обстоятельствахъ сего приключенїя: онѣ были и надмѣру странны, дабы не привесть Изабеллу въ удивленїе; но гораздо менѣе тронули онѣ ее нежели причина побудившая ея любовника искать ее и во гробѣ. Сей сильный опытъ его любви принудилъ ее пролить слезы; и какъ окончалъ онъ свое повѣствованїе, провожденное имъ наинѣжнѣйшими изреченїями: боже Великїй! сказала она простерши руки свои къ Небу, надобно ли было, чтобы возвратилъ онъ мнѣ жизнь, дабы увидѣть мою неблагодарность. По что щедроты Твои благопоспѣшны были его старанїямъ, естьли не хощешь Ты, что бы получилъ онъ за то воздаянїе?

Сїе восхищенїе, произшедшее отъ внутренности сердца, поразило Іустинїанїя; онъ не сомнѣвался, что госпожа Оттобонша не восхощетъ допустить горячность свою восторжествовать надъ добродѣтелїю; но въ принятомъ имъ намѣренїи, положилъ онъ твердо не возвращать ее николи ея супругу, такъ что притворился,

творился, будто неразумѣлъ послѣднихъ словъ ея. Нѣтъ, сударыня, сказалъ онъ, ты не будешь неблагодарна, и въ присутствіи твоего брата и его супруги хощу я требовать награжденія за оказанную мной тебѣ услугу. Покажитесь, закричалъ онъ имъ, драгіе свидѣтели моея любви и печали: подите, и будьте теперь участники моея радости, и подкрѣпите справедливое мое требованіе.

Гортанса и Контарини пришли въ такое удивленіе при гласѣ Изабеллиномъ, и при разговорахъ Іустиніаніевыхъ, что препровождали время взирая другъ на друга, и какъ будто спрашивая, справедливо ли ими слышанное; и изумленіе ихъ было толь велико, что любовникъ госпожи Оттобонши принужденъ былъ много разъ имъ показываться, дабы вывести ихъ изъ онаго; но вышедъ оттуда, побѣжали съ равною торопливостію къ постелѣ сей больной красавицы, и взявъ ее въ свои объятіи, изъявили радость свою множествомъ нѣжныхъ облобызаній.

Іустиніани смотрѣлъ на нихъ съ воздыханіемъ, сожалѣя, что не могъ имѣть участія въ сихъ нѣжныхъ

ныхъ ласкательствахъ. Антонїо, не могшїй болѣе сомнѣваться о постоянствѣ его любви, вырвался отъ Изабеллы, дабы изъявить ему своею ласкою тѣ чувствованїи, коихъ не могъ изъяснить словами. Когда сїи первыя движенїи миновалися, тогда Контарини приближась къ своей сестрѣ: Изабелла, сказалъ ей, мы должны всѣ жизнїю Іустинїанїю, ибо сохранивъ твою, вывелъ онъ насъ изъ задумчивости, которая бы и нашу непремѣнно похитила; но всѣ наши благодаренїи маловажны въ разсужденїи толь знатныя услуги, и я чувствую, что ты одна можешь вмѣсто всѣхъ насъ наградить его за оную: но какъ здѣланное имъ для тебя не имѣетъ примѣра, то надобно, что бы и благодарность твоя не имѣла предѣловъ.

Увы! отвѣчала она ему, что могу я здѣлать? я ужѐ не завишу отъ себя: властна точїю надъ сею жизнїю, которую онъ мнѣ возвратилъ, и готова жертвовать ему оною, естьли похощетъ онъ отъ меня сего воздаянїя.

Жестокая!

Жестокая! отвѣчалъ ей Іустиніани, возрѣвъ на нее такими глазами, въ коихъ любовь его и отчаяніе были написаны, я не для того вывелъ тебя изъ могилы, дабы положить тебя паки во оную, я ласкалъ себя, что сердце твое внушитъ въ тебя другія средства въ воздаяніе за мою любовь; но когда ты толь несправедлива, и хочешь жертвовать мнѣ такою жизнію, которая для меня дороже моей собственной: то мнѣ принадлежитъ, извѣстить тебя о моихъ требованіяхъ. Извѣщаю тебѣ, сударыня, продолжалъ онъ съ твердостію, предъ Гортансою и и Контариніемъ, что не увидишь ты никогда Оттобонія, что онъ болѣе твой не супругъ; и что умерши предъ глазами всея Венеціи, ты единственно мнѣ принадлежишь и должна жить точію для меня, по тому что безъ моей любви, безъ той горячности, коею я пылаю, не наслаждался бы я и самъ счастіемъ паки тебя увидѣть.

Сіи слова привели въ трепетъ добродѣтельную Изабеллу; она отъ того поблѣднѣла, и принявъ на себя тихой видъ: Іустиніани, сказала

ему.

ему, богъ мнѣ свидѣтель, что не имѣла бы я чувствительнѣйшей радости какъ быть съ тобою на вѣки сопряженной: признаюсь тебѣ и въ томъ, что жестокости Оттобонiевы менѣе имѣли участiя въ томъ состоянiи, изъ коего ты меня вывелъ, нежели горячность, которую всегда къ тебѣ хранила, и отъ коей чувствую, что во всю жизнь мою не изцѣлюся; но не взирая на то, чѣмъ я тебѣ должна, не взирая на чувствованiи, кои тебѣ объявляю, я всегда супруга Оттобонiева; умерла ли я или живу, только имѣетъ онъ надо мною правà неопровергаемыя, и я не могу тебя ни видѣть ни слышать не ставъ виновною; по крайней мѣрѣ я себя въ томъ увѣряю; сiя мысль приводитъ меня въ такое смущенiе, что безъ присутствiя моего брата лишилася бы ужè я и твоего.

Я не могу похулить твоего страху, отвѣчалъ ей Iустинiани, добродѣтель твоя дала мнѣ о немъ знать, прежде нежели ты мнѣ про то объявила; но, сударыня, естьли доведу я до того, что поступка моя и намѣренiи утверждены будутъ твоею матерью, братомъ твоимъ и всею моею фамилiею, естьли

естьли сенатъ самъ повелитъ тебѣ быть моею, то будешь ли ты противиться моему благоденствію? Антоніо уразумѣвшій, что другъ ево намѣренъ произвесть какой нибудь великой проектъ, присоединился къ нему, дабы принудить Изабеллу склониться на его предложеніи. Сія прелестная госпожа умоляемая тѣми, кои для ней были всего миляе, и собственною своею горячностію, склонилась нато съ договоромъ, естьли госпожи Контаринша и Іустиніанша будутъ увѣдомлены о тайнѣ сего дѣла, и чтобъ отвезти ее въ монастырь подъ другимъ именемъ, дабы пробыть тамъ до тѣхъ поръ, пока примутъ они свои мѣры; ибо на конецъ, продолжала она, дабы доказать тебѣ постоянство равное твоему, когда оглашена я ужé умершею, то естьли разсудятъ, что не могу я ожить для тебя, не буду я жить ни для кого въ свѣтѣ, и монастырь будетъ на всегда гробомъ той, которая должна тебѣ жизнію.

Сіе было послѣднее ея намѣреніе, и невозможно было убѣдить ее перемѣнить оное; но Іустиніани будучи доволенъ тѣмъ, что довелъ ее

до

до сего, утѣшался ея твердостію, увѣряя себя, что конечно онъ ее не потеряетъ; и такъ положено было между ими четверыми, чтобы Іустиніанію итти самому къ госпожѣ Контариншѣ, а Гортансѣ привести мать свою и сестру, и приготовить бы ихъ искусно къ сему произшествію, дабы воспрепятствовать, чтобы радость не произвела того, чего печаль произвесть была не въ силахъ: сіе было наиточнѣйшимъ образомъ исполнено; Антоніо остался при своей сестрѣ; Гортанса пошла къ Госпожѣ Іустиніаншѣ, а сей нѣжный любовникъ полѣтѣлъ въ домъ Контаринієвъ: онъ велѣлъ о себѣ доложить, и сіе посѣщеніе показалось надмѣру чрезвычайнымъ матери Изабеллиной, дабы медлить принять его съ учтивостію, не видавъ его болѣе двухъ разъ послѣ брака Антоніева. Іустиніани просилъ прекратить учтивости, и войти въ кабинетъ дабы поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей; она согласилась на то; и когда были онѣ однѣ, Іустиніани началъ рѣчь свою тѣснымъ дружествомъ, бывшимъ между Контариніемъ

и имъ со младенчества; по томъ сталъ говорить о счастіи Гортансиномъ, что имѣла такого супруга, и что желалъ бы онъ, дабы и удивительная Изабелла имѣла равную ей судьбину.

При наименованіи Изабеллы лице Госпожи Контаринши покрылося слезами; тогда Іустиніани воспользуясь сею минутою горячности: бываютъ толь удивительные въ жизни случаи, сказалъ ей, коимъ съ трудомъ повѣрить можно. Нѣкоторая женщина, которую на прошедшихъ дняхъ положили во гробъ, почитая ее умершею, найдена живою. Естьли бы подобное сему приключеніе случилося съ госпожею Оттобоншею, то бы не надобно вамъ было повсядневно стараться утѣшать Гортансу и Контаринія. Я бы отдала жизнь мою, сказала Госпожа Контаринша съ восхищеніемъ, дабы насладиться хотя одну минуту взоромъ моея дочери, естьлибъ увѣрили меня, что она жива. Когда такъ, сударыня, сказалъ ей Іустиніани, такъ подите же посмотрите сію дражайшую Изабеллу, которая хочетъ точію жить паки

для

для васъ, и которую любовь наисовершеннѣйшая вывела изъ гроба. Госпожа Контаринша взглянула на него быстро при сихъ словахъ, и озирая его отъ головы до ногъ: О! Небо! что сказываешь ты мнѣ, отвѣчала ему? Возможно ли, чтобъ господинъ Іустиніани восхотѣлъ меня обмануть? Нѣтъ, сударыня, продолжалъ онъ, не обманываю я тебя; умѣрь твою радость, и поди облобызай Изабеллу, но естьли хощешь, чтобъ она жила, храни вѣрно сію тайну.

Не требовалось болѣе ничего Госпожѣ Контариншѣ, дабы итти въ минуту съ дражайшимъ симъ проводникомъ: онѣ вошли въ комнату болящей въ самую ту минуту, когда Гортанса ввела туда мать свою и сестру. Сіе свиданіе представляло одно изъ наичувствительнѣйшихъ явленій. Слезы, радостныя восклицанія, и наименованіи дочери, Изабеллы, матери, были толь изрядно между собою смѣшаны, что едва произносившія оныя могли другъ друга слышать. На конецъ Антоніо наложивъ молчаніе на сіи клики радости, увѣдомилъ Госпожу Контаринщу

рицшу о всей тайности любви Іустиніаніевой и своей сестры, и какъ вырвалъ онъ ее изъ челюстей смерти. Вся строгость сей госпожи изчезла услыша сіе рѣдкое дѣйствіе постоянства и любви, и не могши удержать своей благодарности, простерла она руки свои къ Іустиніанію, который всталъ на колѣни для принятія сихъ нѣжныхъ ласковостей: она называла его стократно своимъ сыномъ; и раскаяніе ея было толь чистосердечно, выдавъ дщерь свою за Оттобонія, что не трудно было побудить ее согласиться на ихъ намѣреніе: между тѣмъ хотѣла она уговорить Изабеллу, чтобы не ѣхать въ монастырь, сказывая ей, что можетъ она остаться и съ нею: но не можно было убѣдить въ томъ сію прекрасную женщину; и дабы ее удовольствовать, принуждены были на другой день отвезти ее въ одно игуменство, коего родственница Госпожи Іустиніанши была Игуменьею, которой не инако объ ней сказали, какъ о младой особѣ прибывшей недавно изъ Падуи, и ввѣренной смотренію сея Госпожи. Какъ выздоровленіе ея было

было еще несовершенно, то приняли потребныя мѣры, дабы смотрѣть за нею рачительно. Влюбленный Іустиніани видѣлъ ее на всякой день; и когда она со всѣмъ выздоровѣла, то не помышлялъ болѣе ни о чемъ, какъ о произведеніи въ дѣйство своего проекта. Для сей причины поѣхалъ онъ въ сенатъ, гдѣ объявилъ, что имѣетъ сказать важное дѣло; всякъ готовился слушать его съ удовольствіемъ, ибо краснорѣчіе его было извѣстно, и изящныя его качества въ почтеніи. Тогда донесъ онъ подъ подложными именами о исторіи Изабеллиной, и изобразилъ обстоятельства оной въ толь благородныхъ и жалостныхъ выраженіяхъ, что вся важность сенаторовъ не могла противъ того устоять; слезы покрыли глаза́ ихъ, и самъ Дожъ не могъ удержать своихъ.

Іустиніани разсуждая о успѣхѣ своего намѣренія по счастливому сему началу, приводилъ во уваженіе съ такимъ усиліемъ право приобрѣтенное любовниномъ надъ женщиною, стараніемъ прилагаемымъ имъ о ея жизни, и потерянное супру-

гомъ, почетъ ее умершею, что когда потребовалъ, дабы сенатъ учинилъ опредѣленie, коимъ бы бракъ сей былъ уничтоженъ, и женщина была бы вольна вытти за своего любовника, тогда не было ни одного голоса противнаго; но всего было страннѣе то, что Оттобони первый находилъ справедливымъ сie требованie, и одинъ изъ тѣхъ, которые утверждали наисильнѣйшимъ образомъ, дабы имѣло оно свою силу и дѣйствie.

Естьли бы повѣствованie Іустиніaнiево не подвигнуло тотчасъ сердцa слушателей къ сожалѣнiю, то бы Антонiо Контарини бывъ притомъ, не могъ удержаться отъ смѣху, видя усердie сего стараго сенатора въ такомъ дѣлѣ, кое производилось единственно противъ него.

На конецъ Іустиніани изходатайствовалъ сie благопоспѣшное опредѣленie, и когда всѣ Сенаторы подписали оное, тогда началъ онъ паки говорить, благодаря Сенату именемъ Изабеллы Контарини, и обьявя, что объ ней и говорилъ онъ подъ другимъ именемъ: Антонiо вставъ въ тужъ минуту, доказывалъ сiю истинну,

истинну, подтвердивъ всѣ слова Іустиніаніевы. Никогда удивленіе не было равно тому, кое имѣло сіе знаменитое собраніе, и никогда не бывало смущенія подобнаго тому, коимъ обладаемъ былъ Оттобони: всѣ глаза обратилися на него, но ниодинъ не перемѣнилъ своего голоса, и приговоръ исполненъ былъ именами Изабеллы и Іустиніанія безъ всякаго сопротивленія. Оттобони пылая яростію, вышелъ изъ Сената, не хотя говорить ни съ кѣмъ, и заперся въ своемъ домѣ, дабы сокрыть тамъ движеніе своея души. Что до счастливаго Іустиніанія, то исполненный радостію, осыпанный похвалами и поздравленіями и снабдѣнный приговоромъ, побѣжалъ онъ въ монастырь Изабеллинъ съ Госпожею Контаринщею, Гортансою и ея супругомъ, и объявивъ ей о соизволеніи Сената, имѣлъ пріятное удовольствіе подвинуть ее къ радости. Онѣ отвезли ее въ домъ Контариніевъ, гораздо прекраснѣе прежняго; и нѣсколько дней спустя вышла она торжественно за Іустиніанія.

Сей бракъ освѣщенный факеломъ любви, воспослѣдовалъ со всевозмо-

жнымъ великолѣпіемъ: при семъ случаѣ отправляемы были многіе пиры, въ коихъ вмѣняли себѣ въ законъ праздновать Смерть побѣжденную любовію; и прекрасная Изабелла, увидя себя изъ рукъ Атропоса прешедшую въ объятіи наинѣжнѣйшаго любовника, испытала тогда, что жизнь имѣетъ пріятности только въ то время, когда можно ее препровождать съ тѣмъ, ково любишь.

XXVIII. НОВОСТЬ

ТОРЖЕСТВО ДОБРОДѢТЕЛИ.

Въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Франціи по Парижѣ, жили двѣ сестры, коихъ скрою я прямыя имена, и назову одну Луциндою, а другую Доротѣею. Луцинда была вдова, богата, прекрасна, и въ такихъ лѣтахъ, что желала еще нравиться, хотя препровела ужѐ большую часть того, что называютъ младолѣтствомъ. Какъ осталися онѣ доволь-

но

но рано безъ отца и безъ матери; то Доротея будучи въ цвѣтѣ своея младости, думала, что не можно ей избрать приличнѣйшаго для себя пристанища, какъ въ дому своея сестры; которая будучи вдовою, и гораздо постарѣе, могла паче почитаться ея матерью нежели сестрою.

Луцинда обрадовалася тому преимуществу, кое отдала ей сестра ея предъ монастыремъ, который бы былъ единымъ ея убѣжищемъ, естьлибъ не имѣла она сестры; но кровная горячность имѣла менѣе участія въ сей радости, нежели особенная ея польза. Она любила свѣтъ и забавы; и не смѣя предаваться онымъ столько, сколько бы ей хотѣлось, дабы соблюсти благопристойность, коей требовали ея лѣтà и состояніе, увѣряла себя, что товарищество младыя Доротеи освободитъ ее отъ сего принужденія, потому что будучи наисовершеннѣйшія красоты не преминетъ она привлечь въ домъ ея великое число обожателей, слѣдственно и всѣ увеселенія, кои сопутствуютъ обыкновенно забавамъ и любви.

Въ сихъ то мысляхъ приняла она съ распростертыми руками прекрасную Доротею, которая чувствуя безмѣрно ласковый пріемъ своея сестры, соотвѣтствовала оному всею склонностію, кой могли въ нее внушить благодарность и дружество; хотя скоро она примѣтила, что различіе ихъ нравовъ и склонностей причинитъ ей когда нибудь досаду. Въ самомъ дѣлѣ никогда нравы не бывали толь противны: Луцинда была жива, сердита, вертопрашна, и старалась понравиться, во что бы то ей ни стало: на противъ того Доротея была тиха, покорна, умѣренна, благоразумна, и искала болѣе скрывать драгоцѣнныя качества, полученныя ею отъ природы, нежели Луцинда домогалася увеличивать оныя помощію искуства. Къ симъ наружнымъ прелестямъ присоединяла она внутреннія, дѣлающія ее одной изъ совершеннѣйшихъ особъ своего пола. Добродѣтель превосходила ея красоту; набожность ея не имѣла примѣра; а усердная любовь къ ближнему увѣнчала всѣ изящныя ея дарованіи. Легко можно разсудить, что прекрасная Доротея будучи такова,

кова, каковою, я ее описываю, не столь была довольна у Луцинды, сколь сія Госпожа тѣмъ ласкалася. Одна любила свѣтъ; другая искала уединенія: Луцинда исполняла должности своего Закона по привычкѣ, а Доротея подвергалася онымъ по склонности и по прямой любви ко всему тому, чему оный научаетъ; и между тѣмъ какъ знатнѣйшія компаніи собиралися у Луцинды, видѣли Доротею распростертую у ногъ олтарей, или удалившуюся въ свою комнату, проводящую дни и нощи въ споможеніи нещастнымъ, и въ награжденіи бѣдныхъ.

Сей поступокъ, сколь она его ни скрывала, не умедлилъ распространиться по городу, какъ похвалами тѣхъ, кои ей удивлялися, такъ и посмѣяніемъ, кое производила о томъ Луцинда. Чудясь въ высочайшемъ степени, увидя въ сестрѣ своей склонности толь мало споспѣшествующія своимъ желаніямъ, бранила ее непрестанно за строгость ея нрава и за презрѣніе ея къ свѣту; и какъ много людей къ ней пріѣзжало, въ надеждѣ, насладиться взоромъ сея прекрасныя дѣвицы, то не думала она

она лучше оправдаться, въ томъ, что видѣли ее всегда уединенну, какъ испуская тьму язвительныхъ и злобныхъ стрѣлъ противъ ея поступка. Многїе были одинакаго съ нею мнѣнїя, и охуждали жестоко сїю строгость нравовъ, коей дерзновенно приписывали имя лицѣмерїя. Наиразумнѣйшїе не показывали ни презрѣнїя, ни удивленїя, но довольствовались вѣрить, что молодость и недостатокъ искуства внушали Доротеи сей вкусъ къ уединенїю, и что нѣсколько лѣтъ проживши перемѣнитъ она свои склонности,

Сїя прекрасная и разумная особа была точно извѣщаема о всемъ, что говорили объ ней у сестры въ ея отсутствїи, посредствомъ особливыхъ ея прїятельницъ, у коихъ снискала она себѣ почтенїе; но всѣ сїи рѣчи ее не поколебали, и не безпокоясь о томъ, какїя бы ни давали имена ея набожности, продолжала оную какъ начала̀. Луцинда огорченная тѣмъ, что люди, навѣщавщїе ее, не чуствительно отъ ней удалялись, по тому что видѣли точїю ее одну, вознамѣрилась перемѣнить Доротею, во что бы то ни стало; и будучи увѣрена,

увѣрена, что любовь есть надежное средство въ томъ успѣть, восприяла опасное предпріятіе возбудить въ ней оную къ одному дворянину, который изо всѣхъ ее посѣщающихъ показался ей удобнѣйшимъ внушить оную.

Въ самомъ дѣлѣ Клеандръ (имя, кое я ему припишу) былъ таковымъ созданъ, чтобъ привлекать къ себѣ сердца̀ самыя нечувствительныя. Порода его была знатна, имѣніе достаточно, а душевныя его дарованіи соотвѣтствовали совершенно тѣмъ преимуществамъ, кои получилъ онъ отъ природы и счастія. Одна Госпожа изъ пріятельницъ Луциндиныхъ познакомила его съ нею, и какъ имѣлъ онъ весьма пріятное обхожденіе, и слѣдовали за нимъ со удовольствіемъ въ тѣ мѣста̀, гдѣ онъ былъ знакомъ, дабы ввесть туда своихъ друзей, то соорудилъ онъ у Луцинды отборное собраніе, кое промышляло ему ежедневно новыя забавы; но большая часть изъ тѣхъ, кои туда ѣздили, не видя тамъ инако Доротеи, какъ незапными случаями, и начиная уже̑ скучать товариществомъ вдовы, не навѣщали ее толь часто; одинъ

только

только Клеандръ потаенными причинами былъ къ ней привязанъ; красота Доротеина сво поразила; и хотя строгая ея добродѣтель побуждала его опасаться худаго прїема, однако ласковость къ нему Луциндина вселила въ него надежду успѣть посредствомъ ея у ея сестры.

Между тѣмъ скрывалъ онъ рачительно сїю возрастающую любовь, дабы не знала оной та госпожа, которая ввела его въ сей домъ, съ коей имѣлъ онъ нѣкоторый родъ интриги, въ которой сама Луцинда была повѣренною. Дѣла были въ такомъ состоянїи, какъ вдова предпрїяла испытать, находится ли набожность Доротеина въ безопасности отъ любви. И такъ бросила она глаза свои на Клеандра: но хотя не дѣлала изъ того важности, чтобъ подвергнуть опасности славу сестры своей, однако приняла намѣренїе не начинать того безъ согласїя своей прїятельницы, и почитая сїе дѣло за игрушку довлѣющую забавлять ихъ всѣхъ троихъ равно, не колебалась предложить имъ онаго. Для сей причины въ одинъ день какъ разговоръ палъ на Доротею, что случалося

часто,

часто, дабы охуждать ея поступку: признаюсь вамъ, сказала Луцинда, что досаденъ мнѣ сей житія образъ, и я увѣрена, что въ томъ заключается болѣе притворства, нежели истинны; всякъ имѣетъ свой обычай; сестра моя желаетъ почитаема быть набожною.

Я въ томъ увѣрена, отвѣчала Целіана (имя ея пріятельницы) и весьма бы почла забавнымъ, естьли бы какой нибудь любовникъ разрушилъ сіе благоговѣніе. Здѣлаемъ тому опытъ, подхватила тотчасъ Луцинда; это насъ увеселитъ: Клеандръ весьма удобенъ представлять потребную намъ особу, дабы открыть внутренность сердца младыя нашея лицемѣрки; пусть притворится онъ въ нее влюбленнымъ на два дни только, и я увѣрена, что мы будемъ имѣть удовольствіе узнать, что Доротея создана не инако какъ и другія. Я на то согласна, сказала Целіана; ибо весьма для насъ обидно видѣть ее презирающую наши забавы; какъ будто бы онѣ были преступленіи: кажется по набожному ея виду, какъ будто одна она разумна, и что никто изъ насъ недостоинъ ея сообщества.

Унизимъ

унизимъ нѣсколько сію горделивицу, любезный мой Клеандръ, продолжала она: принудь себя на сутки, дабы промыслить намъ сію небольшую побѣду. Клеандръ слушавшій сей разговоръ не сказавъ ничего, огорчился, увидя, доколѣ простиралась зависть и ревность сихъ госпожъ, и отвѣчалъ сперьва съ довольною холодностію на сіе предложеніе. Но видя себя къ тому принуждаема, и разсудя, что можетъ быть найдетъ чрезъ то благопріятный случай обьявить Доротеѣ прямыя свои склонности, согласился на то, и обѣщалъ начать съ тогоже дня дѣлать имъ удовольствіе, естьли подадутъ онѣ къ тому средства; ибо къ Доротѣи не легко было кому нибудь подступить, естьли которая изъ нихъ въ то не вмѣшается.

Онѣ сказали ему, чтобъ положился онъ на нихъ въ промышленіи ему съ нею бесѣды: но онѣ хотѣли ихъ слушать, не бывъ видимы, дабы не лишиться того удовольствія, кое изображали себѣ въ отвѣтахъ лицемѣрныя Доротеи. Клеандръ желалъ бы лучше, чтобъ могъ говорить съ нею на свободѣ. Однако не могши пере-

перемѣнить сего, согласился на все, дабы имѣть по малой мѣрѣ удовольствїе говорить о своей любви, не подавъ подозрѣнїя Целїанѣ, которой боялся, по тому что ее болѣе не любилъ. разположивъ все, старались во весь день выискивать причину, какъ бы оставить Доротею одну съ Клеандромъ. наконецъ нашли оную; ибо нѣтъ ничего не возможнаго для женщинъ предпрїявшихъ погубить другую; и разошлися въ намѣренїи, начать дѣйствїе сїе на другой день. Какъ сей проектъ сооруженъ былъ между ими троими, то любезная Доротея не могла никакъ узнать онаго; и не будучи во осторожности, попалась безъ труда въ разставленныя ей сѣти.

Что касается до Клеандра, то препроводилъ онъ ночь въ ревностномъ изслѣдованїи предпрїятаго имъ поступка; онъ любилъ Доротею, но великое его богатство и знатность не дозволяли ему желать таковаго союза. Итакъ страсть его не внушала въ него сей мысли: между тѣмъ находилъ онъ, что обидно для ней говорить о томъ съ нею въ другомъ видѣ, естьли она столь благоразум-

на и добродѣтельна, каковою быть кажется; и что въ семъ случаѣ должность честнаго человѣка требуетъ не стараться восторжествовать надъ невинностїю.

Сїя мысль содержала его долгое время въ недоумѣнїи, что надлежало ему дѣлать: но на конецъ будучи влюбленъ, младъ и дерзновененъ, и желая имѣть удовольствїе одержать новую побѣду, вознамѣрился покуситься на все; и жертвуя первою своею нѣжностїю славѣ во обладанїи сердца нечувствительнаго, помышлялъ точїю о томъ, какъ бы сьиграть порядочно свой роль.

Дабы въ томъ себя утвердить, пошелъ на другой день въ церковь, куда набожная Доротея ходила ежедневно въ одно время. Онъ увидѣлъ ее вшедшую туда въ простомъ одѣянїи, съ потупленными глазами, но богато украшенную множествомъ прїятныхъ прелестей: онъ не былъ ею видимъ; цѣломудренныя ея взоры имѣя всегда одинакїй предмѣтъ, не побуждали ее искать другихъ: онъ видѣлъ ее молящуюся съ благоговѣнїемъ безъ притворства,

безъ

безъ лицемѣрія, и толь видимымъ образомъ, что не можно было не почесть того за искренность.

Сей взоръ возбудилъ паки его недоумѣніи. Онъ почувствовалъ умножающееся въ себѣ почтеніе въ тожъ время какъ и любовь, и никогда человѣкъ не имѣлъ толико сраженій самъ съ собою, колико Клеандръ имѣлъ въ сію минуту. Онъ слѣдовалъ за нею изъ дали, когда она вышла; и не видя ее возвращающуюся въ свой домъ, хотѣлъ узнать, куда направила она свои стопы. Она вошла въ домъ не весьма видный, покрывъ лице головнымъ своимъ уборомъ. Онъ спрятался въ Аллеи, которая была темна, и услышалъ ее на верьхъ восходящую. Она постучалась; на сей стукъ отворили ей дверь, и она пребывала тамъ толь долго, что возбудила нетерпѣливость въ Клеандрѣ; наконецъ вышла оттуда, и лишь только удалилась отъ сего дому, какъ онъ любопытствуя узнать, что она тамъ дѣлала, пошелъ по той же лестницѣ, и остановившись на томъ же мѣстѣ, гдѣ она стучала, постучался такожде. Но какое зрѣлище представилося его

взору! Молодая дѣвушка, которая отворяла дверь, старикъ разслабленный, который лежалъ на соломѣ; женщина окруженная шестерыми маленкими дѣтьми почти нагими, были тѣ предмѣты, кои онъ обозрѣлъ. Онъ думалъ, что ошибся дверьми, и спросилъ съ трепетомъ у сихъ бѣдныхъ людей, не отъ нихъ ли вышла госпожа молодая и прекрасная?

Увы! ето Ангелъ, отвѣчала женщина проливъ нѣсколько слезъ: не знаю, отъ кого-то свѣдала она о нашей скудости; и пришла не точїю насъ утѣшать и ободрять, но еще здѣлала намъ помощь десяткомъ пистолей, дабы могла я содержать тѣмъ отца моего и дѣтей моихъ, кои странными нещастїями лишилися всего своего имѣнїя. Клеандръ безмѣрно удивившись тому, что видѣлъ и слышалъ, спросилъ у нихъ, сказала ли она свое имя: старикъ отвѣчалъ, что нѣтъ, но обѣщала ихъ паки увидѣть.

Тогда тронутъ будучи толь искреннею любобїю къ ближнему, не хотѣлъ онъ выттти изъ сего мѣста, не имѣя участїя въ набожномъ по-

ступкѣ

ступкѣ сея прекрасныя дѣвицы; и вынувъ десять луидоровъ изъ своего кошелька: Возми, сказалъ онъ старику, она приказала мнѣ отдать тебѣ еще сію сумму, дабы имѣлъ ты постелю, и одѣлъ твоихъ дѣтей; по томъ вышелъ немедлѣнно, не хотя слушать благодарѣній отъ сей въ удивленіе пришедшей семьи. Едва познавалъ онъ самъ себя, вошедъ въ свой домъ. Добродѣтель Доротеина оказалася такимъ образомъ въ глазахъ его симъ произшествіемъ, что не сомнѣваясь объ оной такъ какъ прежде, былъ онъ такъ въ ней удостовѣренъ, что вознамѣрился не щадить ничего, дабы соединиться на вѣки съ особою таковаго свойства: и отъ сея минуты, почитая за удовольствіе обманывать тѣхъ, кои побуждали его обманывать ее самое, предпріялъ производить дѣло сіе со всѣмъ инако, нежели онѣ надѣялись.

Между тѣмъ Доротея, разсудивъ, что тѣ, коимъ здѣлала она вспоможеніе, употребятъ безъ сомнѣнія денги свои на то, что нужно для ихъ пропитанія, и не будутъ имѣть довольно оныхъ, дабы

бы помыслить о прочемъ, пошла къ одному уборами торгующему купцу, у коего купила почти все, что нужно было для сихъ бѣдняковъ, и велѣла оное нести за собою, дабы не ошиблися; такимъ образомъ вошла она въ сей домъ; и когда появилася тамъ съ сими небольшими мебелями, тогда женщина оная бросилася къ ея ногамъ, сказывая ей, что надмѣру велика ея милость, и что присланныхъ отъ ней десяти луидоровъ довольно на всѣ ихъ потребности.

Сіи слова крайнѣ удивили Доротею. Она требовала тому объясненія; оное тотчасъ ей учинили, и какъ Клеандръ былъ великолѣпно одѣтъ, и такого вида, по которому легко можно было его распознать, то учинили онѣ весьма точное о немъ изображеніе; но прекрасная Доротея не старавшаяся никогда разсматривать людей у сестры своей со вниманіемъ, не могла проникнуть сего таинства.

Доротея не уразумѣвая, кто бы ето былъ, сказала своимъ бѣднякамъ, что не имѣетъ она никакова участія въ оказанномъ имъ симъ кавалеромъ благодѣяніи; что то былъ

безъ

безъ сомнѣнія точію видъ имъ принятый, дабы принудить ихъ принять оное, что она радуется возбудивъ чье нибудь сожалѣніе въ ихъ пользу; но что не должны онѣ ее за то благодарить: и оставя имъ уборы, вышла, боясь, что бы не были ей паки разставлены какія сѣти, коихъ она не знала.

Она размышляла долго о семъ произшествіи, и показалася еще ревностнѣе въ глазахъ Луцинды и Целіаны, съ коими она обѣдала. Лишь только собрали со стола, какъ донесли о пришествіи Клеандра. Доротея по обыкновенію своему хотѣла встать, и вытти: Останься, сказала ей Луцинда повелительнымъ голосомъ; важное нѣкое дѣло принуждаетъ насъ съ Целіаною запереться на нѣсколько часовъ; побудь съ Клеандромъ; и для перваго разу окажи мнѣ нѣсколько угожденія.

Я всегда готова тебѣ послушествовать, отвѣчала ей Доротея съ пріятнымъ видомъ; и естьли бесѣда моя можетъ быть пріятна Клеандру, и наградитъ ваше отсутствіе, то не отказываюсь я съ нимъ поговорить. Луцинда не отвѣчала на

сїи слова инако какъ лукавымъ взглядомъ, который бросила на Целїану; и здѣлавъ нѣсколько учтивыхъ оговорокъ Клеандру въ томъ, что принуждены онѣ его оставить на минуту, вышли прося его ихъ пообождать.

Прекрасная Доротея зная, что истинная премудрость не имѣетъ въ себѣ ничего дикообразнаго; и что существо добродѣтели требуетъ скрывать строгость оныя во внутренности своего сердца, осталася одна съ Клеандромъ, съ толикимъ спокойствїемъ, сколь мало онъ имѣлъ съ своей стороны онаго. Онъ пребылъ около четверти часа, не могши отворить устъ своихъ, и взирая на Доротею съ столь великимъ вниманїемъ, колико не смѣла она обратить на него глаза свои. Напослѣдокъ сїя любезная дѣвица не зная чему приписать таковое безмолвїе, готовилась нарушить оное первая, какъ обративъ взоры свои на Клеандра, думала познать то одѣянїе, кое описали ей старикъ и его дѣти. Сїя мысль побудила ее такъ покраснѣть, что Клеандръ то примѣтилъ; и воспользуясь симъ случаемъ началъ

гово-

говоришь: вы толь мало прїобыкли, сударыня, сказалъ ей, къ симъ особеннымъ свиданїямъ, что строгое ваше благоразумїе тѣмъ оскорбляется; но могу васъ обнадежить, что естьли бы знали вы все почтенїе, которое я къ вамъ имѣю, то бы не стыдился вы тою честїю, которую мнѣ дѣлаете. Во время сихъ словъ Доротея ставъ нѣсколько посмѣляе, разсматривала его со вниманїемъ; и нашедъ въ немъ все изображенїе, кое учинено ей было поутру, не сомнѣвалася, что бы не онъ подарилъ вышепомянутые десять луидоровъ. Она почитала его за то внутренно, но не хотя дать ему знать того, что о томъ была свѣдома, оправилася скоро, и отвѣчала ему съ довольнымъ цѣломудрїемъ, что не почитаетъ она себя разумнѣе другой; и что когда бы имѣла сїе мнѣнїе, то бы не думала, что надлежитъ ей стыдиться тому, что она съ нимъ находится.

Какъ начало разговора не прїуготовило ее ни къ чему такому, чего бы не надлежало ей слушать, то продолжала оный безъ принужденїя, и съ такимъ благоразумїемъ и нѣжностїю о всемъ, что Клеандръ ей

ни говорилъ, что не могши болѣе обладать своею любовїю, и своимъ удивленїемъ: Несравненная Доротея, вскричалъ онъ, сколь наполнены прелестьми тѣ минуты, кои можно препроводить съ тобою! и сколь бы почелъ я себя счастливымъ, естьли бы все время моея жизни могъ принести тебѣ на жертву; Доротея удивившаяся нѣсколько сему восторгу хотѣла отвѣчать такъ, что бы оный умѣрить, какъ Клеандръ воспрепятствовавъ ей въ томъ съ жаромъ: Не пресѣкай еще меня, продолжалъ онъ, говоря весьма тихо: я имѣю сказать тебѣ множество важныхъ дѣлъ: но могутъ насъ услышать; время мнѣ дрогоцѣнно; я тебя обожаю, и предлагаю тебѣ совсемъ моимъ богатствомъ и сердце мое и клятвы.

Ради сей высокой добродѣтели, которая дѣлаетъ тебя одною изъ совершеннѣйшихъ особъ въ свѣтѣ, не презри такимъ человѣкомъ, который со всѣмъ готовъ принести самаго себя на жертву наималѣйшему изъ твоихъ хотѣнїй: я имѣю сильныя причины говорить такъ тихо; не въ такомъ нахожусь мѣстѣ, чтобъ

чтобъ могъ о семъ тебя извѣстить не приписывай незапному случаю той минуты, коею я пользуюсь, и помысли, что есть такїе люди, кои не имѣютъ къ благоразумїю твоему всего того почтенїя, кое оно внушать долженствуетъ.

Прекресная Доротея толь сильно удивилась таковымъ словамъ, что допустила Клеандра говорить столько, сколько онъ хотѣлъ; но пришедъ нѣсколько въ себя, и уразумѣвъ посредствомъ ею услышаннаго какую нибудь тайну сокрытую въ данномъ ею Луциндою повелѣнїи, вознамѣрилась отвѣтствовать также тихо какъ и онъ: Признаюсь тебѣ, сказала ему, что не ожидала я таковыхъ словъ; не для того, что бы была я изъ числа тѣхъ, въ коихъ таковыя обьявленїи возбуждаютъ гнѣвъ или негодованїе: хотя мало знаема я пространнымъ свѣтомъ, однако свѣдомъ мнѣ довольно обычай онаго, почему не можно мнѣ не знать, что дѣвица моихъ лѣтъ часто бываетъ подвержена сему роду искушенїй; но я ласкалася быть отъ того чуждою. Между тѣмъ когда не могла я того избѣжать, то не окажу тебѣ за то ни

ни презрѣнія ни гнѣва; довольствуясь спокойствіемъ моея души, скажу тебѣ точію, что жалѣю я о заблужденіи, въ кое ты впалъ, естьли думалъ, что возможешь вовлечь меня во оное, и что жалѣю я о тебѣ еще больше, естьли говоришь ты искренно.

При сихъ словахъ вставъ съ кресел, на коихъ сидѣла, не показавъ ни малѣйшія перемѣны, здѣлала она ему низкой поклонъ, и вышла не изъявляя ни медлѣнности ни торопости, оставя его толь сильно пораженнаго удивленіемъ, любовію и печаліію, что Луцинда и ея пріятельница, услыша выходящую Доротею, нашли его еще не со всѣмъ въ себя пришедшаго.

Сіи обѣ Госпожи не могши ни чего уразумѣть при семъ разговорѣ, хотя употребляли на то все свое вниманіе, лишь только подумали, что Клеандръ одинъ, какъ покинули то мѣсто, въ коемъ онѣ спряталися, и спросили у него съ равнымъ рвеніемъ о томъ, что произошло, и почто разговоръ ихъ происходилъ толь тихо, что ничего онѣ не слышали? Вопросы ихъ вывели его изъ задумчивости,

живости, и онЪ не могши на нихЪ взирать инако какЪ сЪ негодованiемЪ: я говорилЪ, сказалЪ имЪ сЪ холодностiю, обыкновеннымЪ моимЪ голосомЪ, мнѣ отвѣтствовано было таковымЪ же; ето не моя вина, естьли не слышали вы словЪ нашихЪ; но увѣдомляю васЪ, что не вовлечете вы меня болѣе вЪ таковыя приключенiи; и оставилЪ ихЪ вЪ тужЪ минуту.

Целiана хотѣла его удержать, но то было тщетно: и невзирая на ея старанiи и Луциндины, онЪ отЪ нихЪ ушелЪ. Сiя поступка побудила ихЪ думать, что Доротея приняла его весьма худо; онѣ точiю тому смѣялись, увѣряя себя, что любовь его кЪ Целiанѣ возратитЪ его кЪ нимЪ скоро: но вЪ томЪ обманулися. КлеандрЪ воспользуясь сею причиною, дабы ихЪ оставить, не казался ни у ней ни у Луцинды, не стараясь ни о чемЪ болѣе, какЪ искать случаевЪ увидѣть Доротею, или побудить кого поговорить о немЪ сЪ нею; и во всю недѣлю, которая прошла со обЪявленiя его любви, не видѣли его нигдѣ кромѣ церквей, гофшпиталей, или темницЪ;

мѣста,

мѣста, въ коихъ Доротея изъявляла любовь свою къ ближнему; и хотя точно онъ за нею слѣдовалъ, и она видѣла его непрестанно по стопамъ своимъ ходящаго, однако никогда не возможно ему было говорить съ нею; ибо сія благоразумная особа лишала его всегда тщательно къ тому способовъ.

Между тѣмъ Целіана досадуя увидя себя оставленну, недолго пребывала, не узнавъ его поступокъ. Слухъ начавшійся распространяться о хожденіи его въ святыя мѣста дошелъ и до ушей ея: прочіе люди приписывали оное причинамъ побуждающимъ его къ набожности; но Луцинда и она угадали скоро нѣкую часть сего поступка, и не преминули огласить того, что могли уразумѣть. Мы обмануты, сказала нѣкогда Целіана Луциндѣ; я предана: Клеандръ любитъ твою сестру, онъ любимъ ею, и единственно дабы насъ проводить, притворяются онѣ имѣть такія добродѣтели, коихъ тайно не исполняютъ. Мнѣнія Луциндины были на мѣру сходны съ мыслями ея пріятельницы, дабы оспоривать ей во оныхъ, и разсуждая о непорочной Доротѣи, по тому, что бы она сама можетъ

можетъ быть здѣлала, утверждала Целїану въ ея подозрѣнїяхъ съ такою жестокостїю, какъ будто бы и она потеряла токожде любовника.

Но словъ не довольно было для сихъ жалостїю исполненныхъ особъ. Надобно было отмстить знатнымъ образомъ; захватить обоихъ любителей вмѣстѣ, и предать ихъ всеобщему посмѣянїю. Какъ сїя мысль смягчила ихъ свирѣпство, то вознамѣрились онѣ извѣдывать такъ ихъ поступки, что бы ниодна не была отъ нихъ сокровенна. Между тѣмъ какъ сооружаютъ онѣ сїе намѣренїе, Клеандръ и Доротея идутъ всегда своею дорогою, первый прилагая свое старанїе, дабы ее увидѣть и съ нею поговорить, а другая всячески домогаясь, дабы его убѣгать. Напослѣдокъ когда толико тщетныхъ старанїй привели его вo отчаянїе, вознамѣрился онъ учинить своею повѣренною одну госпожу, которая своею добродѣтелью снискала дружество Доротеино; и къ коей ходила она часто.

Но не смѣя предстать тамъ безъ ея дозволенїя, отважился написать и просить ее дозволить ему погово-

поговорить съ нею на единѣ о нѣкоемъ весьма важномъ дѣлѣ. Альцина (имя сея госпожи) приняла писмо, и какъ была она въ лѣтахъ приводящихъ ее въ безопасность отъ нѣкоторыхъ страховъ, а Клеандръ былъ такой породы, что нельзя было съ нимъ поступить такъ какъ съ другими, то велѣла ему сказать, что можетъ къ ней прiѣхать въ тужъ минуту; что найдетъ ее одну, и будетъ во всякой безопасности. Онъ не умедлилъ туда итти; и по оказанiи со обѣихъ сторонъ учтивостей, Клеандръ перемѣнилъ рѣчь, и не искавъ тщетныхъ околичностей увѣдомилъ ее чистосердечно о началѣ и успѣхахъ любви своей къ Доротеи, и о принятомъ имъ намѣренiи на ней жениться, прося ее вспомоществовать ему въ такомъ предпрiятiи, кое весма выгодно для сестры Луциндиной, и убѣдить ее въ своемъ присутствiи дозволить ему на минуту съ собою свиданiе, дабы обнадежить ее чрезъ самаго себя о непорочности своихъ склонностей. Альцинѣ показалось сiе толь знатнымъ для Доротеи, что не колебалась она обѣщать ему за него вступиться, не предусматривая,

сматривая, что бы было какое нибудь препятствїе такому дѣлу, коего надлежало ей паче желать нежели въ томъ отказать. Клеандръ доволенъ будучи ея поступкою благодарилъ Альцину въ наисильнѣйшихъ изреченїяхъ, моля ее не щадить ничего для такого союза, съ коимъ сопряжено все его благополенствїе. Сїя госпожа познавши безмѣрную страсть изъ рѣчей его, не могла удержаться, дабы не усмѣхнуться слыша повторяемыя его прозьбы, и обнадеживъ его о своихъ старанїяхъ, просила положить на нее сїе дѣло, увѣряя его, что подастъ ему скоро благопрїятную о томъ вѣдомость. Влюбленный Клеандръ преисполненный радостїю оставилъ ее, дабы предаться совершенно сладкимъ воображенїямъ, коими начиналъ себя ласкать.

Но не былъ онъ еще при концѣ своихъ мученїй, и Доротея помышляла отмѣннымъ отъ него образомъ. Клеандръ воображалъ себѣ, что любовь должна составлять все благополучїе его жизни, а Доротея была увѣрена, что Небу точїю довлѣетъ рѣшить ея судьбину. Сїя прекрасная дѣвица навѣстила въ тотъ самый

мый день Альцину. Какъ она ее ожидала, то постаралася быть одна, дабы поговорить съ нею безъ свидѣтелей: Альцина, хотя престарѣлая и прямо набожная женщина, была однако веселаго нрава, и изъ того роду людей, коихъ пріятности никогда не старѣются.

Когда обняла она Доротею, и онѣ сѣли по своимъ мѣстамъ, тогда сія Госпожа посмотрѣвъ на нее съ усмѣшкою: ты довольно скромна, сказала ей, слушаешь объявленіи горячности, не ввѣряя мнѣ оныя; права, я тебѣ того не прощаю; и такой женихъ; каковъ Клеандръ, заслуживаетъ, чтобъ говорить о немъ кому нибудь. Я думала, отвѣчала ей Доротея, нѣсколько удивившись, что не должно имѣть инако повѣренныхъ, какъ тогда, когда хощешь удержать любовника, и заключить съ нимъ союзъ; а какъ я не воображала себѣ, что бы надлежало тебѣ говорить о такомъ дѣлѣ, кое для меня равнодушно, по тому что имѣю я говорить съ тобою о томъ, что для меня гораздо важнѣе.

Дра-

Дражайшая моя Доротея, подхватила Альцина, отринемъ между нами околичности и принужденіе; я начала шуткою, а хощу окончить ревностно. Тогда не давая ей времени отвѣтствовать, увѣдомила ее о посѣщеніи Клеандровомъ, и о всемъ, что онъ ей разсказалъ о произшедшемъ въ домѣ Луциндиномъ; она обьявила ей о безмѣрной его любви, о его намѣреніяхъ, и о усердной его прозбѣ, дабы вспомоществовать ему въ его предпріятіяхъ, и промыслить ему съ нею свиданіе въ ея присутствіи, потомъ видя, что она со вниманіемъ слушаетъ, выхваляла изящныя качества Клеандровы, богатство таковаго союза, и честь ей отъ того приносимую, примолвя, что само ея благоразуміе требуетъ избрать себѣ супруга; ибо красота ея удобна подвергнуть ее злословію невзирая на всю ея добродѣтель; что разумной особѣ надлежитъ необходимо либо итти въ монастырь, либо сочетаться бракомъ, естьли желаетъ она соблюсти безъ поврежденія свою славу; что домъ Луциндинъ помрачитъ оную рано или поздно, и что не можетъ

она съ большею честїю изъ онаго вытти, какъ вышедъ за Клеандра.

Она замолчала при сихъ словахъ, а Доротея покраснѣвъ начала говорить: надобно признаться, сказала ей, что весьма странныя дѣла за нѣсколько времени со мною збываются; Клеандръ, коего я едва знала, въ первой разъ какъ меня увидѣлъ, началъ говорить о любви; а дражайшая моя Альцина, которую вижу я съ моего младенчества, и почитаю за подпоръ моея невинности, принуждаетъ меня отвѣтствовать сей любви; естьли что нибудь сего чрезвычайнѣе! Однако вижу, что надобно отвѣтствовать Альцинѣ ревностно, дабы освободиться мнѣ отъ Клеандра; чего для необинуясь открою тебѣ наисокровеннѣйшїя мои мысли. Я никогда не любила свѣта, продолжала она; а между тѣмъ не имѣю склонности постричься; что и принудило меня итти лучше къ Луциндѣ нежели въ монастырь, будучи увѣрена, что можно исполнять всѣ должности въ ея домѣ равно какъ и въ наистрожайшемъ убѣжищѣ: тебѣ свѣдома хранимая мною посту-

поступка, и я не думаю, что надлежитъ ее оправдать: ты знаешь равнымъ образомъ, что не имѣла я никогда склонности ко браку; разговоры наши тебя о томъ довольно извѣстили. Не для ради того, чтобъ было во мнѣ отвращенie къ такому союзу, который я почитаю, ниже по какому нибудь предразсужденiю противъ мущинъ вообще: я увѣрена, что есть изъ нихъ весьма достойные склонности разумной женщины; да и поставляю Клеандра въ число оныхъ; но принятая мною жизнь толь несходственна съ обязательствами жены, что я не могу вознамѣриться стать оною. Будучи самовластною обладательницею малаго имѣнiя, которое Небо мнѣ даровало, могу употреблять оное безъ боязни и сомнѣнiя на вспоможенie нещастнымъ. Какой супругъ, сколь бы онъ былъ ни добросерденъ, можетъ смотрѣть безъ роптанiя на то, чтобъ раздѣляли чужимъ его богатства! Первая должность жены состоитъ въ томъ, чтобъ угождать и послушною быть своему мужу: дабы достичь сего намѣренiя, надобно будетъ позабыть бѣд-

 ныхъ,

ныхъ, остановить мои благодѣянія, допустить стенать нещастныхъ и здѣлаться самой таковою непрестаннымъ принужденіемъ, въ кое приведенною себя увижу; и естьли усердіе мое и любовь къ ближнему превозмогутъ волю супруга, то въ какихъ горестяхъ буду я препровождать все время моея жизни! Нѣтъ, нѣтъ, дражайшая моя Альцина, не збудется то, чтобъ для наслажденія нѣсколько болѣе богатствомъ, лишала я малаго мною обладаемаго тѣхъ, кои имѣютъ въ немъ нужду.

Клеандръ человѣкъ свѣтской, чинъ его требуетъ великолѣпія и знатности: нравъ мой и склонности со всѣмъ тому противны; я не имѣю тщеславія; почитаю себя счастливою въ томъ состояніи, въ коемъ нахожуся; естьли домъ Луциндинъ здѣлается мнѣ противенъ, то изберу я другой. Я не люблю Клеандра, а при томъ ево и не ненавижу, достоинство его мнѣ не безъизвѣстно, почитаю его безмѣрно, но не хощу итти за мужъ, и прошу тебя побудить его прекратить свои гоненія: попроси его отъ меня, не слѣдовать болѣе стопамъ моимъ, оставить

меня

меня вѣ покоѣ, и употреблять инде тѣ обѣты, коихъ не могу я принимать.

Прости, дражайшая моя Альцина, продолжала она вставши; я не возвращуся болѣе кѣ тебѣ до тѣхъ поръ, пока не увѣришь ты меня, что не вступаешься ты за Клеандра. Окончавъ сіи слова, вышла она изъ комнаты Альцининой съ такою поспѣшностію, что не возможно было сей госпожѣ ее остановить; она пребыла вѣ крайнемъ смятеніи отъ твердости Доротеиной, и не сомнѣвалась, что бы намѣреніе ея не было непоколебимо. Она не могла удержаться, что бы не жалѣть о Клеандрѣ, и ожидала не инако какъ съ трепетомъ той минуты, вѣ которую надлежало увѣдомить его о худомъ успѣхѣ своей комиссіи: онъ пришелъ кѣ ней вѣ самомъ дѣлѣ на другой день, дабы узнать свою судьбину, и объявленный ему Альциною приговоръ былъ для него громовымъ ударомъ. Она не уменшила предъ нимъ онаго, дабы принудить его изцѣлиться отъ сей страсти, но намѣреніе ея имѣло дѣйствіе со всѣмъ тому противное; любовь его умно-

 жалася

жалася при каждомъ словѣ произносимомъ Альциною отъ имени Доротеина; и будучи удаленъ отъ того что бы отъ ней отстать, утвердился больше прежняго въ намѣренiи соединиться съ нею, и прилагалъ всѣ свои силы, дабы убѣдить Альцину поговорить еще съ нею, и позвать ее къ себѣ въ то время, когда онъ у ней прилучится. Сiя Госпожа отказала ему въ томъ, подавъ ему знать, что то самое, что бы дозволено ей было тогда, когда бы Доротея согласилась принять его себѣ супругомъ, зделалося уже самымъ позорнымъ и непристойнымъ состоянiю ея дѣломъ; зная, что сiя прекрасная дѣвица не хощетъ его видѣть. Клеандръ отчаяся ее убѣдить, принялъ отъ сея минуты намѣренiе, долженствовать точiю самому себѣ тому свиданiю, коего желалъ онъ съ толикимъ усердiемъ; и дабы успѣть въ томъ безъ отваги, выдумалъ хитрость сколь отважную столь новую, и къ коей одна точiю любовь побудить удобна. Онъ зналъ, что Доротея будучи чувствительна къ нищетѣ другаго, не имѣла опредѣленныхъ часовъ, дабы помогать

могать нещастнымъ, и употребляла на сіе равно и нощь и день. По сему познанію принялъ онъ намѣреніе войти въ домъ ея въ такомъ переодѣяніи, кое бы могло возбудить ея соболѣзнованіе. Онъ приказалъ къ себѣ призвать бѣдную женщину, далъ ей четыре червонца, и взялъ себѣ худое ея платье, одѣлся во оное, и убравъ лице такимъ образомъ, что не легко ево узнать можно было, сталъ подъ окнами Доротеиными въ первомъ часу нощи; и началъ тамъ испускать жалобы и стенаніи, коими бы и не столь соболѣзнующіе были подвигнуты.

Домъ Луциндимъ построенъ былъ такимъ образомъ, что часть онаго стояла на улицу, а другая на задъ, а покои всѣ соединялись общею переднею комнатою. Доротея жила на улицу, а Луцинда на дворъ; сторона Доротеина была тѣмъ удобнѣе для исполненія ея набожности, что могла она входить и выходить, не будучи видима отъ прочихъ людей, потаенными дверями, стоящими къ улицѣ, не будучи принужденною ходить черезъ дворъ. Клеандръ зналъ всѣ сіи закоулки, и сталъ въ та-

комъ мѣстѣ, чтобъ не миновать ея взора.

Прекрасная Доротея ложилася тогда на постелю, и велѣла выттти своей горнишной дѣвушкѣ, дабы продолжать безъ свидѣтелей свои моленія. Не долго пребывала она не услышавъ стенаній мнимой нищей. Сердце ея воздрогнулося, и прибѣжавъ ко окошку, увидѣла ее растянувшуюся у воротъ, власно какъ испускающую послѣдніе вздохи. Не требовалося болѣе, дабы подвигнуть ее къ совершенному соболѣзнованію: она беретъ свѣчу, сходитъ потихонку, отворяетъ дверь сей несщастной, говоритъ ей, утѣшаетъ ее, и взявъ ее подъ руки, поднимаетъ, и помогая ей всходить на крыльцо, ведетъ въ свою комнату, дабы подать ей лучше требуемую ею помощь. Не трудно было Клеандру притвориться въ сію минуту: производимая имъ поступка, невинность Доротеина, и прелести, кои простота ея одѣянія открывала его взорамъ, смутили его толь сильно, что едва могъ стоять на ногахъ. Доротея приобыкши оказывать таковыя услуги, и удалена будучи, подозрѣвать прямую причину

ну безмѣрнаго трепетанія Клеандрова, приписывала оное единственно болѣзни, въ коей чаяла ему быть какъ женщинѣ и нищей. Итакъ посадила она сію мнимую побродяшку, и побѣжавъ къ своему кабинету, вынула изъ онаго все, что почитала нужнымъ для укрѣпленія ея сердца, и готовилась уступить ей свою постелю, какъ Клеандръ желая воспользоваться временемъ, бросился къ ея ногамъ, и голосомъ совсемъ отличнымъ отъ того, который промыслилъ ему сіе пристанище: Престань, сударыня, сказалъ ей, дѣлать меня порочнымъ, стараніями не для меня назначенными, и употреби сожалѣніе свое точію на то, что бы выслушать такого человѣка, коего отваживаешься ты дѣлать стократно нещастнѣе тѣхъ, коимъ помогать стараешься.

Сіи первыя слова привели Доротею въ такое удивленіе, что осталася она неподвижною въ своихъ креслахъ; а Клеандръ не хотя ей дать времени его пресѣчь, спѣша продолжать: чрезвычайное мое дерзновеніе, сказалъ ей, побуждаетъ меня легко уразумѣть и безмѣрное

твое

твое удивленїе; но сударыня, дозволь, чтобъ я въ томъ обвинилъ тебя, естьли бы не отказалася ты видѣть меня у Альцины, то бы никогда не покусился я на такое предпрїятїе: однако смѣю обнадежить тебя, что одна точїю наружность должна возбуждать гнѣвъ твой. Я тебя обожаю, но при томъ и почитаю, и прiялъ единственно съ тѣмъ такое намѣренїе, дабы просить тебя, не предавать меня совсѣмъ моему отчаянїю, отказываясь отъ моей клятвы: не хощу соединясь съ тобою укрощать въ тебѣ тѣ добродѣтели, кои плѣняютъ меня еще паче твоея красоты: такъ, сударыня, твое благоразумїе, цѣломудрїе и набожность твоя, возбуждаютъ мою къ тебѣ любовь; и единственно для подкрѣпленiя большаго изъявленiя оныхъ хощу я здѣлать тебя обладательницею всего того, что имѣю: помысли же, что отказавшись отъ предлагаемаго тебѣ мною, лишишь ты тьму несчастныхъ твоея помощи, уменшишь любовь твою къ ближнему, и худо воспользуешься милостьми полученными тобою отъ Неба, пренебрегши

такимъ

такимъ имѣнiемъ, коего хощетъ онъ здѣлать тебя раздавательницею. Наконецъ, сударыня, продолжалъ онъ, распростершись къ ногамъ ея, не вводи меня въ наивеличайшее нещастiе тѣмъ презрѣнiемъ, коего любовь моя, почтенiе, и непорочность моихъ намѣренiй не заслуживаютъ.

Клеандръ перестал говорить, а благоразумная Доротея борясь съ гнѣвомъ и благодарностiю, искала выраженiй могущихъ изъяснить то и другое; какъ увидѣла вдругъ вошедшихъ въ комнату свою Луцинду и Целiану. Сiя послѣдняя осталась ночевать у Луцинды; и какъ были онѣ въ непрестанномъ вниманiи, дабы захватить Клеандра съ Доротеѣю, думая, что имѣютъ они нощныя свиданiи, то пришли чрезъ общую побочную комнату слушать къ дверямъ ея: и хотя мнимая нищая говорила весьма тихо, однако не преминули онѣ узнать ея голосъ. Тогда Луцинда воспользуясь двойнымъ ключемъ отворявшимъ всѣ покои находившiеся въ ея домѣ, вошла какъ бѣшеная съ Целiаною въ комнату своея сестры.

Онѣ держали каждая по факелу, и лишь только увидѣли мнимую женщину, какъ не сомнѣвались о переодѣянiи, и бросясь на нее, дабы ее пристыдить, разбудили крикомъ своимъ и ругательствами всѣхъ челядинцевъ, кои прибѣжали на крикъ. Прекрасная Доротея огорченная видя себя обруганную такимъ невиннымъ образомъ, хотѣла броситься между сими фурiями и Клеандромъ, и вывесть его прежде нежели могли онѣ его узнать: но Клеандръ принявъ скорое намѣренiе, вырвался изъ рукъ Целiаны и Луцинды, и бросся свои вѣтошки къ ногамъ ихъ, подъ коими надѣто на немъ было обыкновенное его платье: такъ что же, сказалъ онъ съ досадою, я ввелъ себя подъ симъ одѣянiемъ къ Доротеѣ, дабы принудить ее оставить мѣсто толь мало ея достойное, и какъ не чувствуете вы себя удобными подражать ея добродѣтелямъ, то стыдитесь по малой мѣрѣ, видя страхъ и почтенiе возбуждаемое ею въ тѣхъ, кои хотятъ быть ею любимы. Государыня моя, продолжалъ онъ оборотясь къ Доротеѣ, не думай, чтобъ сей случай пребылъ

въ

въ неведѣнiи, или чтобы оставилъ я оный во власти твоихъ злодѣекъ, при наступленiи сего дня онъ будетъ явенъ, и я отваживаюсь просить тебя еще согласиться на совершенное заключенiе, потребное для моего покоя, и которое по неразумiю сихъ женщинъ здѣлалось необходимымъ и для твоей славы.

Я нахожусь въ такомъ смущенiи, отвѣчала тогда Доротея, отъ того что вижу, и отъ того, что слышу, что не могу рѣшить ничего; ты меня жестоко обидѣлъ, а между тѣмъ стараешься осыпать честiю; гнѣвъ мой и благодарность находятся въ одномъ степени: выди Клеандръ, не умножай твоимъ присутствiемъ безпорядка моихъ мыслей, оставь невинности моей попеченiе о моемъ оправданiи, и дай мнѣ время принять намѣренiе достойное твоего почтенiя, и причиненныя тобою мнѣ обиды. Окончавъ сiи слова вошла она въ свой кабинетъ, гдѣ и заперлась, оставя Луцинду и Целiану въ крайнемъ замѣшательствѣ, видя ея умѣренность и непоколебимость. Что до Клеандра, то оставилъ онъ ихъ тотчасъ, не хотя

тя удостоить ихъ и взоромъ ; и хотя было тогда около двухъ часовъ по полуночи, однако пошелъ онъ къ Альцинѣ, которую приказалъ разбудить. Сія госпожа разсудя, что дѣлу сему надлежало быть важну, когда пришелъ онъ въ такое время, велѣла его впустить; и Клеандръ увѣдомивъ ее о всемъ произшедшемъ, просилъ ее съѣздить къ Луциндѣ, дабы показать ей ошибку и уговорить Доротею къ тому, чтобъ здѣлала она его на вѣки счастливымъ.

Альцина осуждала его въ томъ, что подвергнулъ онъ сію прекрасную дѣвицу таковому злословію, но онъ умѣлъ толь изрядно оправдать свою поступку жестокостію своея любви что привлекъ ее совершенно на свою, сторону; и не хотя медлить возстановить миръ въ дому Доротеиномъ, приказала заложить свою карету; и одѣвшись съ довольною скоростію, просила Клеандра обождать ея возвращенія, и поѣхала къ Луциндѣ, которую нашла въ великомъ смущеніи съ Целіаною. Сія послѣдняя огорчившись, видя презрѣніе Клеандрово и почтительную любовь его

къ

къ Доротеѣ, обратила гнѣвъ свой на Луцинду, выговаривая ей, что одна она была виною перемѣны ея любовника, и сказала ей довольно сухо, что почитаетъ ее согласившеюся съ нимъ, дабы ее обидѣть, по тому что она принудила ево притворить-ся влюбленнымъ въ сестру свою.

Луцинда огорченная симъ подозрѣніемъ, отвѣчала на то съ пышностію, и выговаривала ей съ своей стороны, что безъ ея ревности, не помыслила бы она никогда причинить досаду Доротеѣ, коея видима ей была невинность. Альцина вошла въ сію минуту, и какъ сія госпожа была увсѣхъ въ великомъ почтеніи, то хотѣли онѣ принудить себя въ ея присутствіи. Но Альцина дала имъ скоро знать, что причина ихъ ссоры была и виною толь необычайнаго ея посѣщенія; и начавъ ихъ уговаривать, говорила имъ какъ такая особа, которая знаетъ, что достоинства ея и добродѣтель подаютъ ей право, дѣлать наставленіи. Луцинда пришедшая ужè въ раскаяніе о учиненномъ ею, слушала ее съ покорностію; но Целіана не могши снести благоразумія ея рѣчей, про-

стилася съ ними, заклявшись не входить никогда въ сей домъ. Луцинда не старалась нимало ее удержать, и добродѣтельная Альцина довела ее до того, что принудила ее признаться въ томъ предъ Доротеѣю, и споспѣшествовать тому, что бы была она благосклонна Клеандру.

Когда Альцина увидѣла ее твердую въ сихъ мысляхъ, тогда обняла ее и просила сходить съ нею въ комнату Доротеину. Она согласилась на то съ радостїю, и пошедъ туда, нашли ее вставшую; ибо сїя прекрасная дѣвица находилась въ такомъ нестроенїи, которое не дозволяло ей нимало наслаждаться покоемъ. Она удивилась увидя Альцину съ Луциндою, и сїю послѣднюю съ видомъ весьма отмѣннымъ отъ того, каковый имѣла она за два часа предъ тѣмъ. Луцинда подошла на передъ, и взявъ ее въ свои объятїи: дражайшая моя Доротея, сказала ей, покажи еще сїю высокую добродѣтель, которая возбуждала въ насъ толико зависти, позабывъ навсегда тѣ преступленїи, которыя она меня учинить принудила. Доротея тронутая безмѣрно

мѣрно сею поступкою, отвѣчала на то не инако какъ наинѣжнѣйшею ласкою; и имѣя глаза наполненные слезами подала ей знать, что душа прямо разумная, менѣе чувствительна къ обидамъ, нежели къ удовольствїю. Альцина возпользуясь сею счастливою минутою: любезная Доротея, сказала ей смѣючись, когда прощаешь ты ей толь охотно, то прости и Клеандру, и исправь причиненное тобою замѣшательство, согласясь на его благоденствїе.

Луцинда присоединилась къ ней, дабы молить ее о томъ же, и обѣ убѣждали ее столько, что сїя прекрасная дѣвица боровшаяся часть ночи между причинами принуждавшими ее здѣлать Клеандра счастливымъ, и могущими ей въ томъ воспрепятствовать, не могши совершенно вознамѣриться, дала напослѣдокъ свое слово; и думала по справедливости, что воспротивится тѣмъ соизволенїю Неба, есть ли долѣе будетъ отрицаться принять такое добро, которое предлагаемо ей было толь чрезвычайнымъ образомъ. Альцина радуясь своему успѣху, послала тотчасъ за Клеандромъ, не хотя оставишь

вить сего дѣла въ такомъ состоянiи, что бы могло оно по томъ отмѣниться. Онъ пришелъ, и можно легко разсудить о безмѣрной его радости по всему тому, къ чему любовь его тогда побуждала. Однако принужденъ онъ былъ положить границы своимъ восхищенiямъ; ибо стыдливость Доротеина и его къ ней почтенiе не дозволяли ему попустить онымъ свободное теченiе. Между тѣмъ положено было, что бы сей бракъ воспослѣдовалъ не позже, какъ по учиненiи всѣхъ приготовленiй потребныхъ для церемонiи. Клеандръ поспѣшилъ оными съ такимъ усердiемъ, что чрезъ двѣ недѣли увидѣлъ себя спокойнымъ обладателемъ прекрасныя и разумныя Доротеи, коея набожности толь совершенно онъ соотвѣтствовалъ, что казались онѣ обое быть въ свѣтѣ единственно для вспоможенiя несчастнымъ. Домъ ихъ былъ всегда пристанищемъ бѣдныхъ, а имѣнiе ихъ удѣломъ. Луцинда тронутая толь хорошимъ примѣромъ, приняла на себя поступку прямыхъ вдовъ, и вспомоществовала имъ въ томъ охотно: и такъ набожность сихъ трехъ особъ

особѣ была награждена непрестаннымъ продолженіемъ благоденствія, чести и славы: вмѣсто того что Целіана погруженная въ безпорядки, увидѣла себя доведенною до жесточайшихъ крайностей; и бѣдствіями, коими была гонима, служила еще вопреки себѣ къ торжеству добродѣтели.

XXIX. НОВОСТЬ

ОДНО СЛУЖИТЪ ЗАМѢНОЮ ДРУГОМУ.

Целидоръ и Дамисъ были два старинные дворянина изъ Нормандіи, коихъ нѣкоторыя судебныя дѣла принудили жить въ Діеппѣ. Какъ домы ихъ были смѣжны, то сіе сосѣдство было причиною ихъ знакомства, а взаимныя ихъ достоинства превратили оное скоро въ дружество, которое тѣмъ больше утвердилось, что и супруги ихъ оное между собою имѣли. Целидоръ имѣлъ сына именемъ Леандра, а Дамисъ дочь именемъ Констанцію;

обое были достойны любви какъ въ разсужденiи даровъ полученныхъ ими отъ природы, такъ и помощiю воспитанiя достойнаго ихъ происхожденiя.

Леандръ и Констанцiя возлюбили другъ друга съ первой минуты, какъ увидѣлись, и сердца̀ ихъ по согласiю съ желанiями ихъ родителей собравъ въ себѣ склонности почтенiя и дружества, кои другъ ко другу возъимѣли, соорудили изъ того такую любовь, которая была нѣжна и основательна: матери ихъ не долго пребыли, не примѣтивъ сей привязанности: онѣ равно тому радовались; и какъ достатокъ и состоянiи ихъ были сходственны въ семъ союзѣ, то вмѣняли онѣ себѣ въ крайнее удовольствiе, утверждать склонность ихъ всѣмъ тѣмъ, что могло здѣлать ее долговременною. Леандру было точiю пятнадцать лѣтъ, а Констанцiи тринадцать, когда любовь ихъ могуществу своему покорила, но разумъ и разсудокъ толь сильно превосходили ихъ лѣта̀, а воспитанiе присовокупило ко онымъ толь великое просвѣщенiе, что не могли онѣ не знать долгое время, откуда произходило

ло

ко удовольствіе ихъ, видѣть другъ друга.

Между тѣмъ познаніе ихъ склонности не внушило въ нихъ смѣлости объявить про то другъ другу. Констанція открывая сама въ себѣ происходящее во внутренности своей души, почуствовала не обходимость скрывать то отъ того, который былъ тому предмѣтомъ; и какъ стыдливость столько же въ ней дѣйствовала, сколько и любовь, то лишь только узнала она, что любила, какъ научилась, о томъ молчать. Леандръ съ своей стороны оказывая почтеніе равное усердію своего пламени, будучи столь же робокъ сколь влюбленъ, наложилъ на себя молчаніе, и употреблялъ точію свои стараніи, угожденіи и услужливости; но матери ихъ наблюдая всѣ ихъ движеніи, прекратили скоро сіе принужденіе: онѣ желали толь сильно сего союза, что говорили о томъ съ равномѣрнымъ жаромъ своимъ супругамъ; и нашедъ ихъ въ готовности, здѣлать имъ сіе удовольстіе, положено было между ими четверыми, что сей бракъ воспослѣдуетъ столь скоро, какъ Леандръ получитъ знатный чинъ, который Целидоръ намѣ-

ренъ былъ ему промыслить, и что бы во ожиданіи сего увѣдомить сихъ младыхъ любовниковъ о ихъ благополучіи, дозволя имъ взирать другъ на друга какъ на довлѣющихъ скоро законнымъ сочетаться союзомъ брака.

Когда слово дано было съ обѣихъ сторонъ, тогда мать Констанціина желая воспользоваться на минуту удовольствіемъ ее облобызать, приказала позвать ее въ свой кабинетъ, и посмотрѣвъ на нее ревностнымъ видомъ: Констанція, сказала ей, дѣвица такихъ лѣтъ, какъ ты не должна болѣе почитаема быть за дитя, и ты ужѐ столь разсудительна, что обидѣла бы я тебя, естьлибъ восхотѣла говорить съ тобою подъ симъ видомъ; и для того принуждена я увѣдомить тебя, что надобно тебѣ впредь поступать гораздо поскромнѣе: слава мущинъ и женщинъ зависитъ отъ перваго шага, который учинятъ онѣ въ свѣтѣ; и такъ не можно взять довольно осторожности, дабы начать оный съ честностію. На семъ правилѣ вознамѣрились мы, отецъ твой и я, положить конецъ услужливостямъ Леандровымъ, а дабы прекратить ихъ

съ

съ честїю, и что бы ни онъ ни фамилїя его не могли насъ ничѣмъ упрекать, приняли мы намѣренїе выдать тебя за мужъ; выборъ нашъ долженъ быть всегда и твой; но какъ я тебя люблю, то хотѣла узнать твои склонности, прежде нежели тебя помолвлю, и ты увидишь того, кого мы тебѣ назначили: онъ скоро придетъ сюда, и я приказываю тебѣ сказать мнѣ безъ притворства, что ты о томъ думаешь. Прекрасная Констанцїя неожидавшая нимало сей вѣдомости, не имѣвъ времени къ тому приготовиться, не могла довольно обладать собою, дабы сокрыть свою печаль, она упала на колѣни предъ своею матерью, заливаясь слезами; и обнимая оныя съ горячностїю: ради имени того, чего нѣтъ для тебя драгоцѣннѣе, сударыня, сказала она ей, оставь намѣренїе толь для меня бѣдственное. Я имѣю крайнее къ браку омерзѣнїе: помышляю съ ужасомъ о тѣхъ узахъ, коимъ довлѣетъ разлучить меня съ тобою: не буду любить никогда того, коего приказываешь мнѣ увидѣть: смѣю молить тебя, не представлять меня его взору: упусти

моей искренности ; но какъ велишь ты быть мнѣ чистосердечной , то дозволь быть мнѣ оною прежде нежели сей предмѣтъ предстанетъ моему взору, по тому что невозможно , что бы присутствїе его перемѣнило мои склонности.

Сїя ласковая мать , которая во всякомъ другомъ случаѣ была бы жестоко тронута тѣмъ состоянїемъ, въ коемъ находилась дщерь ея, принуждала себя сколько можно въ сїю минуту , дабы хранить ревностный свой видъ, зная во внутренности своего сердца, отъ чего происходилъ страхъ ея и отговорки, но желая доводить дѣло сїе далѣе : сїи слова меня удивляютъ, отвѣчала она ей ; не можно имѣть омерзѣнїя къ тому, чего не знаешь : ты не вѣдаешь , что есть бракъ, и не знаешь того , коего я тебѣ предлагаю ; и такъ не можешь сопротивляться тому безъ какихъ нибудь потаенныхъ причинъ: я хочу знать оныя , и объявляю тебѣ , что естьли скроешь ты ихъ отъ меня, то не совѣтуя болѣе съ тобою вручу тебя тому супругу , коего отецъ твой для тебя избралъ. Я догадываюсь, что Леандръ причиною

ною тѣхъ чувствований, въ коихъ ты быть кажешься; ты любишь его, Констанція, продолжала она, притворясь смягчившеюся, и посмотрѣвъ на нее нѣжно: говори, признайся въ истиннѣ, повелѣваю тебѣ то какъ мать, и прошу тебя о томъ какъ наилучшая изъ твоихъ пріятельницъ.

Сіи слова произвели ожидаемое ею дѣйствіе: любезная Констанція удостовѣренная въ своей невинности и тѣмъ наипаче побуждаемая своею тайною, что никогда еще оной не открывала, думала, что неможно сыскать благопріятнѣйшаго случая къ своему успокоенію, надѣясь, что сія довѣренность побудитъ мать ея за нее вступиться, и здѣлаетъ се чувствительною къ состоянію ея сердца; въ сихъ мысляхъ вознамѣрилась она, хотя съ пролитіемъ множества слезъ, признаться ей въ нѣжной склонности влекущей ее къ Леандру, и когда подала она знать наисокровеннѣйшія свои мысли: однакожъ, дражайшая родительница, продолжала она съ плѣняющею пріятностію, не смотря на силу сея страсти, естьли не въ

состоя-

состоянїи я была преодолѣть оную, что не имѣла я слабости открыть оную Леандру, и вела себя всегда такъ, что не здѣлала ничего недостойнаго тѣхъ примѣровъ добродѣтели и воспитанїя, кои вы мнѣ преподавали.

Я не была обладательницею моего сердца, но не преставала никсгда обладать самой собою; и дабы восторжествовать нѣкоторымъ образомъ надъ моими склонностьми, не только скрывала я оныя отъ Леандра, но вознамѣрилась не знать и его мыслей: люблю его, не зная, могла ли ему понравиться, или не взираетъ ли онъ на меня съ равнодушїемъ; однако, сударыня, любитъ ли онъ меня, или ненавидитъ, только чувствую, что не могу я любить никого другаго. Удали его изъ глазъ моихъ, возбрани ему входъ въ домъ нашъ, я не буду противъ того роптать, и ты увидишь меня постоянно повинующеюся твоему соизволенїю; но не принуждай меня дать руку въ состоянїи толь мало сообрузующемся съ должностїю, коея требуетъ бракъ отъ добродѣтельной женщины.

Она

Она перестала говорить, а мать ея плѣняясь ея разумомъ и разсудкомъ, подняла ее обнявъ съ восхищенiемъ: дражайшая моя Констанцiя, сказала она ей, ты не потеряешь ничего учиненною тобою мнѣ повѣренностiю: я буду стараться о твоемъ счастiи; однако не могу обойтись, чтобъ не показать тебѣ того, коего желаемъ ты тебѣ супругомъ, отецъ твой непремѣнно того хощетъ; и такъ здѣлаемъ ему сiе удовольствiе, принудь себя, и будь увѣрена, что естьли омерзѣнiе твое къ сему браку будетъ продолжаться и послѣ того, какъ ево увидишь, то не будетъ онъ николи твоимъ супругомъ.

Но, любезная дочь, продолжала она, смотри, въ какой безпорядокъ ввергаютъ себя тѣ, кои сами о себѣ не помышляютъ; естьли бы болѣе присматривала ты за своею поступкою, то бы не предала ты своего сердца безъ согласiя тѣхъ, кои должны располагать оное; ибо наконецъ, дражайшая Констанцiя, не наставленiи матери, нижѐ старанiи гофмейстерины, могутъ предупредить наше паденiе; однѣмъ

намъ

намъ довлѣетъ соблюдать себя отъ онаго; намъ должно убѣгать случаевъ могущихъ ввергнуть насъ въ таковую пропасть; опасность сія для насъ, слѣдственно намъ должно и стараться избѣгать оной; благоразуміе не наука; оному не научаются изъ правилъ взятыхъ отъ просвѣщенія людей; въ насъ должно оно раждаться; и когда оно вмѣстѣ съ нами на свѣтъ произойдетъ, то не надобны намъ учители, дабы оному научаться; само оно воспріимаетъ на себя трудъ извѣщать насъ о томъ, что довлѣетъ намъ дѣлать, дабы исполнять оное; и какъ существо его божественно, то гласа его довольно къ тому, дабы внушать и преподавать намъ законы. Естьли бы слушала ты всегда сего гласа, дражайшая моя Констанція, то бы повиновалася намъ теперь безъ принужденія, и не навѣдываясь о томъ, пріятно ли или непріятно для тебя то, что мы въ пользу твою предпріимаемъ; ибо истинное благоразуміе дѣлаетъ насъ всегда свободными отъ привязанности и предразсужденія; но упущаю твоей младости слабое сіе заблуж-

блужденіе, и не столько для того дѣлаю сіе наставленіе, дабы тебѣ то выговаривать, сколько чтобъ побудить тебя пользоваться онымъ впредь хотя въ дѣвическомъ хотя въ замужнемъ состояніи, дабы избѣгать тебѣ наивеличайшихъ опасностей, или свобождать отъ оныхъ дѣтей твоихъ, естьли Небо тебѣ ихъ даруетъ.

Лишь только перестала она говорить, какъ пришли ей доложить о прибытіи Леандра: она приказала его впустить; а прекрасная Констанція смутясь безмѣрно симъ посѣщеніемъ, которому чаяла быть послѣднимъ въ ихъ домѣ, готовилась вонъ вытти, какъ мать ея приказала ей остаться съ такимъ видомъ, коему надлежало повиноваться: Леандръ показался, и лишь только вступилъ въ кабинетъ госпожи Дамисши, какъ бросился на колѣни съ веселымъ видомъ, который столькожъ удивилъ Констанцію, сколько и его поступокъ; но еще болѣе удивлялась она, когда сей младый Кавалеръ приближась къ госпожѣ Дамисшѣ началъ говорить: я пришелъ, сударыня, сказалъ ей, дабы

дабы возблагодарить вамЪ за то, что согласились вы на мое благополучіе, и просить васЪ, дозволить мнѢ обЪявить несравненной Констанціи тѢ чувствованіи, кои единое мое почтеніе отЪ ней скрывать принуждало. Встань, дражайшій мой ЛеандрЪ, отвѢчала ему госпожа Дамисша обнявЪ его; Констанція имѢетЪ надмѢру много добродѢтели, дабы не похвалить твоей скромности, и ето должно быть пріятное для ней удовольствіе, дабы не быть принужденной краснѢть отЪ признанія твоея любви, по тому что я служу вамЪ изтолковательницею оныя. Констанція, продолжала она, посмотрѢвЪ на нее сЪ лукавою улыбкою, вотЪ супругЪ, коего мы тебѢ избрали, и ты должна по тому разсуждать, что поданное мною тебѢ наставленіе не столько матери сколь вѢрной пріятельницѢ приличествуетЪ.

Любезная Констанція была вЪ такомЪ смятеніи, что не имѢла силы промолвить слово; но госпожа Дамисша не хотя ее оставить на долго вЪ семЪ состояніи, вывела ее изЪ онаго множествомЪ нѢжныхЪ ласковостей, и приложеннымЪ ею

стараніемЪ

стараніемъ, увѣрить Леандра, что онъ любимъ столько, сколько желать могъ; и какъ милости ея подали свободу усердію сихъ младыхъ любовниковъ, то объявили онѣ другъ другу въ ея присутствіи все то, что благоразуміе и почтеніе до того времени имъ открыть препятствовали. Целидоръ, его супруга, и Дамисъ пришедъ къ нимъ, подтвердили еще сладкую надежду скораго заключенія ихъ союза; и съ того дня не прошло ни одного часа, въ который бы Леандръ и Констанція не клялися другъ другу вѣчною любовію.

Но счастіе ихъ было надмѣру велико, дабы быть долговремяннымъ: три мѣсяца прошли съ того времени, когда дозволено имъ было любить другъ друга, и о томъ сказывать, какъ на Дамиса и его супругу напала въ одинъ день жестокая горячка, которая вогнала ихъ во гробъ не смотря на все искуство врачей. Сей уронъ былъ громовымъ ударомъ для Констанціи; она почувствовала оный во всей его огромности; и хотя осталася богатою наслѣдницею, однако имѣніе, ко-

имъ надлежало ей обладать, не могло ее утѣшить, тѣмъ наипаче что не будучи еще въ лѣтахъ управлять собственно собою онымъ, надлежало отдаться подъ смотренiе тетки, сестры ея отца, которая взяла на себя правленiе всѣхъ дѣлъ сея фамилiи, будучи назначена опекунщею Констанцiи духовною Дамисовою. Сiя госпожа называлася Ѳеаною: она выдана была въ замужство въ болонiю при морѣ за богатаго и знатнаго человѣка: осталася вдовою безъ дѣтей довольно рано, дабы найти хорошую партiю; но дружество, которое имѣла къ Констанцiи, со всѣмъ отвратило ее отъ вторичнаго обязательства; она жила всегда въ блонойи; и приѣзжала только, дабы препроводить два или три мѣсяца съ своимъ братомъ.

Въ то самое время, когда была она въ Дiеппѣ, господинъ Дамисъ и госпожа Дамисша впали въ болѣзнь и скончались: она знала совершенно про любовь Констанцiи и Леандра; и какъ свѣдомо было ей соизволенiе ея брата и невѣски, то была она стольже ласкова къ симъ младымъ любовникамъ, сколь и они: но естьли

ли смерть ихъ не здѣлала перемѣны въ Констанціи, то возбудила оная великую отмѣну въ Целидорѣ; и удостовѣряя себя, что слово его долженствовало продолжаться точію до тѣхъ поръ, пока они живы были, почиталъ себя свободнымъ отъ онаго по ихъ смерти. Онъ воспріялъ новыя намѣреніи въ разсужденіи брака Леандрова, коему обьявилъ, что надлежало отстать отъ его любви, и готовиться къ другому обязательству. Влюбленный Леандръ получилъ сіе повелѣніе съ отчаяніемъ неудобь изобразимымъ: онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы вразумить отцу своему тотъ стыдъ, коимъ покроетъ его таковая поступка; и мать его стольже тронутая, сколь и онъ, употребляла все, что почитала удобнымъ подвигнуть его къ сожалѣнію, но никто изъ нихъ не могъ ничего получить: Целидоръ былъ надмѣру своеобычenъ; и зная, что Констанція должна послѣдовать за Ѳеаною въ болонію, воображалъ себѣ, что отсутствіе изтребитъ согласіе сихъ любовниковъ; и выдерживалъ съ твердостію всѣ сіи нападеніи.

Мать Леандрова принуждена была сама объявить Θеанѣ, что Целидоръ беретъ назадъ свое слово; и сїе учинила она съ знаками толь жестокой печали, что не могла она сомнѣваться о ея искренности; онѣ приняли вмѣстѣ мѣры переписываться, дабы сїи нещастные любовники могли подавать о себѣ другъ другу извѣстїе: мать Леандрова обнадежила Θеану, что будетъ она полагать толь великїя препоны соизволенїю своего супруга, что соблюдетъ сына своего для Констанцїи: Θеана учинила ей такое же обѣщанїе: съ другой стороны Констанцїя и Леандръ клялися ненарушимою вѣрностїю, и множествомъ нѣжныхъ опытовъ наисовершеннѣйшїя любви, искали утѣшать взаимно другъ друга о толь жестокой разлукѣ.

Между тѣмъ Θеана нашедъ себя обиженною поступкою Целидора, и думая, что честь Констанцїина требуетъ не остаться долѣе въ Дїеппѣ послѣ сего разрыва, привела въ порядокъ всѣ дѣла своей питомицы, сколь скоро ей возможно было, дабы возвратиться въ Болонїю:

Болонїю: она увѣдомила сихъ нѣжныхъ любителей о своемъ намѣренїи; и какъ видѣлися онѣ на всякъ день въ ея присутствїи, хотя скрытно отъ Целидора, то были свидѣтелями прїуготовленїй къ отъѣзду, который умножалъ печаль ихъ ежеминутно. Онѣ думали умереть, когда наступилъ день разлуки ихъ; и можно сказать, что долженствовали онѣ жизнїю единственно увѣренїямъ поданнымъ имъ отъ Ѳеаны и госпожи Целидорши, дабы стараться о общемъ ихъ благополучїи.

Наконецъ Ѳеана отправилась съ Констанцїею въ Болонїю при морѣ, а Леандръ остался въ Дїеппѣ пораженный наижесточайшею печалїю. Констанцїя лишь только туда прибыла, какъ чрезвычайная ея красота привлекла ей великое число обожателей; тетка ея желая прогнать задумчивость, коею она терзалась, и во внутренности своего сердца будучи жестоко огорчена Целидоромъ, начала промышлять ей всѣ веселости приличныя ея лѣтамъ; и какъ имѣнїе ея и знатность побуждали равно почитать сїю вдову, то домъ ея былъ зборищемъ всѣхъ знатныхъ

людей въ городѣ: офицеры, кои были въ тамошнемъ гарнизонѣ, составляли нарочитую часть онаго, и придавали городу сему много знатности великолѣпными забавами, кои они ему промышляли: не было тамъ ничего кромѣ баловъ, празднествъ и увеселеній, и лишь только услышали, что Ѳезана будетъ водить племянницу свою во всѣ мѣста, какъ всякой старался промышлять имъ веселости.

Но сія прекрасная особа была къ тому нечувствительна, и радость являлася въ глазахъ ея точію въ тѣ дни, когда получала она письма отъ Леандра, и упражнялася въ написаніи къ нему отвѣта. Сіе невинное обхожденіе успокоивало на нѣсколько времени смущеніе ихъ сердецъ; и будучи обнадежены во взаимной вѣрности, ожидали отъ времени или отъ любви своей безбѣднаго окончанія своихъ мученій, какъ Констанція увидѣла умноженіе своихъ стараніями одного кавалера, который бы множествомъ изящныхъ качествъ можетъ быть привлекъ на себя ея взоры, естьли бы сердце ея не отдано было Леандру: онъ

онъ былъ капитаномъ въ одномъ знатномъ полку, храбръ, дороденъ, веселъ, разуменъ, и присоединялъ къ сему видъ толь благородный, нѣжный купно и воинственный, коего смѣшенiе толь сродное нашимъ воинамъ, удобно дѣлать ихъ столь любви достойными во время мира сколь страшны они во время войны.

Клеодатъ, (имя, кое я ему припишу) таковъ, каковымъ я его изображаю, былъ сотребователь надмѣру опасный, дабы не опечалить Констанцiю; не для ради того, чтобы достоинства его могли въ ней одержать верьхъ надъ Леандромъ, который не уступалъ ему ни въ чемъ; но Ѳеана не мыслила такъ какъ она, и старанiи сего новаго любовника казалися дѣлать ей столько удовольствiя, сколько племянница ея то примѣчала; сiя вѣрная любовница думала, дабы предупредить то нещастiе, коего она опасалась, что належало ей говорить первой о привязанности Клеодатовой, и дать ей толь изрядно знать о своихъ склонностяхъ, что бы была въ несостоянiи предложить ей что нибудь противное ея горячности; и какъ

любовь Клеодатова явна ужѐ стала вЪ городѢ, и видЪ, сЪ коимЪ принятЪ онЪ былЪ отЪ Өеаны, побуждалЪ почитать бракЪ сей неминуемымЪ, то не умѢдлила она ей открыться: и для сей причины вЪ одинЪ день, когда находились онѢ наединѢ, Өеана начавЪ рѢчь свою о КлеодатѢ, и ища околичностей, дабы предпочесть его Леандру, Констанція ожидавшая точїю сего случая, воспользовалась онымЪ немедлѢнно, и пресѢкши рѢчь ея сЪ ласкою: пожалуй, сударыня, сказала ей, не дѢлай сравненія, ЛеандрЪ и КлеодатЪ достойны обое почтенія для всѢхЪ вообще, но особливо ЛеандрЪ на мои глазà стократно любви достойнѢе, а сїе для того, что сердце мое ужѐ ему отдано; оно никогда не перемѢнится, и горячность моя и вѢрность основаны на приказанїи отца и матери, коихЪ память будетЪ мнѢ всегда драгоцѢнна; и я увѢрена, что поданныя и тобою мнѢ обнадеживанїи, чтобЪ меня не принуждать, пребудутЪ ненарушимы.

Ето правда, отвѢчала ей Өеана; но какЪ ЦелидорЪ нарушилЪ свое

слово,

слово, то и ты не принуждена болѣе содержать свое; Леандрь невластенъ самъ надъ собою, надобно, чтобъ повиновался онъ соизволенїю родителя, могущаго принудить его принять другое обязательство; а сїю обиду хотѣла бы я предупредить, отдавъ тебя за другаго: Клеодатъ богатъ, онъ не долженъ никому давать отчетъ въ своей поступкѣ; онъ тебя любитъ, достоинъ быть любимъ, и я думаю, дражайшая моя Констанцїя, что не могла бы ты лучше здѣлать; какъ принять такого супруга; я обѣщала тебя не принуждать; и обнадеживаю тебя еще въ томъ; почитаю равно какъ и ты послѣднѣю волю Дамисову, но естьли Целидоръ не вспомнитъ о тебѣ въ скоромъ времени, то не разумно ты здѣлаешь, естьли будешь хранить больше такую склонность, которая не можетъ инако какъ здѣлать тебя нещастною.

Прекрасная Констанцїя видя при всѣхъ обнадеживанїяхъ своея тетки, что склонна она паче къ Клеодату нежели къ Клеандру, отвѣчала ей съ твердостїю, что естьлибъ по несчастїю не могла она и-

мѣть ево супругомъ, то бы пошла необинуясь въ монастырь. Ѳеана любя ее искренно, и не хотя ей причинить досаду, окончала сей разговоръ новыми обѣщаніями, оставить ее обладательницею своего жребія; но какъ услужливости Клеодатовы продолжались всегда, и Ѳеана принимала старанія его, пиры и забавы съ равною пріятностію, то вознамѣрилась она, увѣдомить о томъ Леандра, дабы употребилъ онъ у отца послѣднія свои силы.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило въ Болоніи, Леандръ не менѣе прилагалъ старанія въ Діеппѣ, хотя съ большею пріятностію. Нѣкоторое приключеніе, кое чуть было не стоило жизни отцу ево, и коему храбрость его воспрепятствовала здѣлаться для него бѣдственнымъ, возвратило въ Целидорѣ первыя его склонности къ Констанціи. Однимъ вечеромъ, какъ сей дворянинъ шелъ домой, отъужинавъ на самомъ краю города, четыре человѣка напали на него съ обнаженными шпагами, и принудили его вынуть и свою; но какъ число было весьма неравно, то Целидоръ не

могъ

могЪ долгое время стоять противЪ сихЪ убійцевЪ ; и невзирая на все свое мужество, принужденЪ былЪ упасть, какЪ Небо послало Леандра кЪ нему на помощь.

Сей младый кавалерЪ, возвращался отЪ одного изЪ своихЪ друзей, который былЪ крайне болѢнЪ, и какЪ состояніе его сердца не дозволяло ему искать случаевЪ веселиться, то предпочиталЪ онЪ имЪ тѢ, кои приличествовали болѢе его печали; и дабы предаться оной свободно, препровождалЪ цѢлые дни у сего друга, и покидалЪ его не инако какЪ весьма поздно. По незапному случаю шелЪ онЪ вЪ самый тотЪ часЪ, вЪ который напали на Целидора. СтукЪ шпажный показалЪ ему скоро мѢсто битвы ; онЪ побѢжалЪ туда, и видя четырехЪ человѢкЪ устремляющихся на одного, не сомнѢвался о томЪ, что надлежало ему дѢлать, и бросясь на нихЪ какЪ молнія, помогЪ толь совершенно Целидору, что убили они двоихЪ, ранили третьяго, а четвертаго обратили вЪ бѢгство : все сіе здѢлалося сЪ такою скоростію, что не имѢли они времени

узнать

узнать другъ друга. Целидоръ не свѣдалъ, кѣмъ онъ толико обязанъ какъ тогда, когда Леандръ спросилъ у него съ жаромъ, не раненъ ли онъ, говоря ему какъ незнакомому. Целидоръ пришедшій во удивленіе, услыша ево голосъ: Ахъ! сынъ мой! вскричалъ онъ, такъ тебѣ-то долженъ я моею жизнію! Что родитель мой! ето ты, отвѣчалъ Леандръ со удивленіемъ! при сихъ словахъ Целидоръ обнявши его съ горячностію, не могъ удержаться, чтобъ не оказать родительской любви, дабы отдать справедливость храбрости своего сына, коей приписывалъ всѣ достодолжныя похвалы; но Леандръ прекратилъ оныя, спрашивая вторично, не раненъ ли онъ; и какъ сказалъ онъ ему, что раненъ въ лѣвую руку, что не требовалось болѣе, дабы потревожить Леандра, который повелъ его весьма скоро въ домъ: всѣ ихъ люди были крайне опечалены, увидя ихъ вшедшихъ съ обнаженными шпагами, и въ окровавленномъ одѣяніи.

Госпожа Целидорша не зная кто изъ обѣихъ, сынъ ли ея или супругъ былъ раненъ, произносила ужасный крикъ;

крикЪ; но все утихло, когда сынЪ и отецЪ разсказали сіе произшествіе. ТотчасЪ послали за лѣкаремЪ, который не нашедЪ ничего опаснаго вЪ язвѣ Целидоровой, успокоилЪ ихЪ совершенно: что до Леандра, то имѣлЪ онЪ счастіе, наносить удары смертельные, не получая самЪ никаковыхЪ: ЦелидорЪ плѣненный его мужествомЪ и великодушіемЪ, по тому что помогЪ онЪ ему не знавЪ его, не уставалЪ говорить о семЪ поступкѣ, и какЪ жарЪ его благодарности просвѣтилЪ его вЪ той досадѣ, которую наводилЪ онЪ сыну толь достойному своея горячности, сопротивляясь его благополучію, и вЪ задумчивости, которая не покидала его со времени отбытія Констанціина, то вознамѣрился онЪ здѣлать ему сіе награжденіе за оказанную имЪ ему услугу.

Не хотя болѣе медлить подать ему сію пріятную вѣдомость, обЪявилЪ ему оную на другой день, обѣщавЪ отпустить его чрезЪ три или четыре дни за Констанціею: радость Леандрову при сей счастливой перемѣнѣ не можно изобразить; и

и Целидоръ познал еще лучше въ сїю минушу безмѣрную любовь по безмѣрному его удовольствїю, нежели былъ въ томъ увѣренъ по чрезвычайной его печали. Между тѣмъ учинили наиточнѣйшїе поиски, дабы узнать причину убїйства Целидорова, но не могли никогда открыть оной, по чему и разсудили, что то либо была ошибка, либо разбойники; и тайна пребыла тѣмъ наипаче непроницаемою, что не нашли тѣхъ убитыхъ и раненаго, когда хотѣли ихъ взять.

Дѣла были въ семъ состоянїи, и Леандръ готовился ѣхать въ болонїю, какъ многїе изъ ево друзей просили его здѣлать компанїю въ нѣкоторомъ увеселенїи, кое вознамѣрились они имѣть на морѣ. Какъ сей любовникъ имѣлъ тогда духъ спокойный, и надѣялся увидѣть скоро предмѣтъ своея любви, то принялъ онъ сїе предложенїе. Причиною сего предложенїя было то, чтобъ ѣхать стрѣлять водяныхъ птицъ, коими сей берегъ наполненъ, и пробыть тамъ весь день. Сїи роды забавъ весьма по вкусу молодыхъ людей; а Леандръ будучи весьма искусный

кусный стрѣлокъ, вознамѣрился забавлятся тамъ лучше другихъ; ихъ было числомъ восмеро, и снабдивъ себя ружьемъ, порохомъ, свинцемъ и всѣмъ что нужно было, дабы употчиватьсебя великолѣпно, взяли намощенную барку, и сѣли наоную, не чувствуя ничего кромѣ радости и удовольствїя; но когда Леандръ былъ готовъ вступить во оную, тогда одинъ изъ его слугъ принесъ ему письмо изъ болонїи; онъ развернулъ его съ торопостїю, и нашелъ въ немъ слѣдующїя слова:

ПИСЬМО.

Жестокїй рокъ не доползствуется тѣмъ, что насъ разлучилъ, дражайшїй мой Леандръ, онъ хощетъ насъ еще гнать, давъ тебѣ сопмѣстника защищаемаго Өеаною. Вѣрность моя не поколебалася, но страхъ мой безмѣренъ: умоляй Целидора, и прїѣзжай послѣшно, вывезть меня изъ сего мѣста, естьли хощешь видѣть живою вѣрную тебѣ

КОНСТАНЦIЮ.

Сїи

Сїи краткїя слова ввергнули Леандра въ великое безпокойство: однакожъ сѣлъ онъ съ своими друзьями; но задумываясь безмѣрно о томъ, что надлежало ему здѣлать, дабы предупредить угрожаемое его нещастїе. Друзья его то примѣтили, и дѣлали ему выговоры: онъ старался быть повеселяе, но не прежде въ томъ успѣлъ, какъ нашедъ случай удовольствовать любовь свою и нетерпѣливость. Какъ надлежало ему ѣхать чрезъ нѣсколько дней въ болонїю, то думалъ, что отецъ его не прогнѣвается за то, что поспѣшитъ онъ своимъ отъѣздомъ, естьли случай ему предстанетъ; и такъ воображая себѣ, что не можетъ сыскать лучшаго способа какъ во время своего увеселенїя; ибо переѣздъ былъ краткокъ и свободенъ; отвелъ онъ кормчаго на сторону, и положивъ ему десять червонныхъ въ руку, просилъ его направить барку въ болонїю, не сказывая ничего о томъ его товарищамъ. Вѣтръ былъ благопрїятенъ, и кормчїй не видя никакова затрудненїя, что бы заслужить такую щедрость, здѣлалъ имъ желаемое. Леандръ принялъ тогда

на

себя свою веселость, и первый развеселялъ друзей своихъ, и каждый споря о своемъ проворствѣ, подавалъ оное чувствовать водянымъ птицамъ, коихъ убили они великое множество. Смѣялися много, подчивали другъ друга, и барка отплыла ужѐ довольно далеко отъ Дieппѣ, такъ что никто не примѣчалъ принятой ею дороги: Леандръ плылъ радуясь невинному обману, который внушала въ него любовь, и всѣ были въ полномъ удовольствiи, какъ увидѣли корабль идущiй прямо на нихъ.

То былъ морскiй разбойникъ изъ Флессингена, коего привлекли туда слышанные имъ во весь день выстрѣлы. Морскiе наши охотники просвѣщенные опасностiю, пришли въ крайнее удивленiе, увидя себя толь въ море удалившихся; но какъ не было больше времени разсуждать, и они всѣ были люди храбрые, то не колебались продать дорого жизнь свою или вольность; и вознамѣрясь биться столько, сколько будетъ ихъ силы, готовились съ равнымъ къ тому усердiемъ. Леандръ бывшiй виною сего случая, былъ первый

вый готовЪ кЪ сраженію, желая наказать капера за медлѣнность, наведенную имЪ его намѣренію, и какЪ примѣтилЪ онЪ, что корабль былЪ безЪ пушекЪ, то ласкался онЪ скорою и легкою побѣдою.

ВЪ сихЪ мысляхЪ не могши избѣжать опасности, подвергался оной добровольно, корабль далЪ сперва залвЪ изЪ ружей по сему войску, которое не преминуло потомЪ отвѣтствовать сЪ успѣхомЪ ободрившимЪ ихЪ мужество, почему увѣрились они, что могутЪ взойти на корабль кЪ непріятелямЪ, и тогда то бой здѣлался гораздо ревностнѣе. ЛеандрЪ и друзья его производили дѣла невѣроятныя, но превосходство ГоландцевЪ возбужденныхЪ кЪ сей добычѣ смертію многихЪ своихЪ товарищей, и великолѣпіемЪ одежды нашихЪ ФранцузовЪ, принудило ихЪ скоро уступить большему числу: изЪ осми друзей не осталось никого кромѣ Леандра и еще одного вЪ состояніи биться; ибо иные были ранены, а другіе мертвы или умирали.

И такЪ не до того было, что бы хвалиться храбростію, и несмотря на

на скуку влюбленнаго Леандра принужденъ онъ былъ здаться. Какъ храбрость его примѣчена была Голандскимъ капитаномъ, и сей человѣкъ говорилъ по французски, то спросилъ онъ у него, кто онъ таковъ, и куда ѣхалъ съ своими товарищами въ толь маломъ суднѣ? Леандръ имѣя только во умѣ Констанцїю, отвѣчалъ ему, что нѣкое важное дѣло позывавшее его скоропоспѣшно въ Болонїю, принудило его возпользуясь вѣтромъ туда плыть, и сїе дѣло такой великой для него важности, что естьлибъ восхотѣли его только на сутки высадить тамъ на берегъ, то бы далъ онъ вексель на пятнадцать тысячь франковъ на такого банкира, какогобъ похотѣли въ Руанѣ или Парижѣ, со обѣщанїемъ прїѣхать и отдаться въ его руки до заплаты сея суммы.

Видъ, съ коимъ Леандръ изъяснялся, прелести сїявшїя во всей его особѣ, а еще больше пятнадцать тысячь франковъ, тронули сего капитана, который посовѣтовавъ съ своими людьми, взялъ отъ Леандра вексель, и удовольствуясь даннымъ

ему словомъ о его возвращенiи, обнадежилъ его, что проводитъ онъ его въ Болонiю, въ самомъ дѣлѣ отвезъ онъ его туда, и высадилъ на берегъ неподалеку отъ гавани. Любовникъ нашъ радуясь, увидя себя въ толь вожделѣнномъ мѣстѣ, обѣщалъ капитану возвратиться на другой день поутру въ тожъ мѣсто, и чтобъ онъ за тѣмъ точiю прислалъ; наконецъ вошелъ онъ въ городъ; и какъ былъ онъ примѣтенъ хорошимъ своимъ видомъ, и богатымъ одѣянiемъ, то находился точiю въ двадцати шагахъ отъ дому Өеанина, какъ Клеодатъ выходя оттуда его увидѣлъ, и примѣтивъ, что онъ незнакомъ въ семъ городѣ, подошелъ къ нему съ учтивостiю, спросилъ его, куда онъ шелъ, и предлагалъ ему свои услуги. Леандръ будучи такожде пораженъ хорошимъ его видомъ, отвѣчалъ ему тѣмъ же голосомъ, что онъ его благодаритъ, но не имѣетъ нужды въ его услугахъ, будучи увѣренъ, что найдетъ онъ у Өеаны, къ коей шелъ, все, что для него надобно. При наименованiи Өеаны ревность обладаетъ сердцемъ Клеодатовымъ,

думая

думая что такой статный человѣкъ, каковъ Леандръ, не могъ быть никто иной, какъ любовникъ Констанціинъ, и слѣдовательно наиопаснѣйшій его соперникъ.

Тогда посмотрѣвъ на него со всѣмъ отмѣнно отъ перваго раза: я другъ Ѳеанинъ, сказалъ ему, и требованіи мои на прекрасную Констанцію, ея племянницу, подаютъ мнѣ право, не видѣть тамъ никогда, кромѣ тѣхъ, коихъ я ей представлю; и естьли хощешь ты туда войти, то надобно, чтобъ то было посредствомъ меня. Сіи слова произнесенныя съ насмѣшливымъ видомъ побудили думать Кеандра, что говорилъ онъ своему совмѣстнику, и отвѣтствуя ему съ такимъ же видомъ: мнѣ принадлежитъ, отвѣчалъ ему, вводить туда другихъ; кто бы таковъ ни былъ, никто не можетъ возбранить мнѣ туда входъ, а я имѣю власть воспретить оный, кому хощу.

Клеодатъ, огорченный симъ отвѣтомъ, выхватилъ свою шпагу, сказавъ ему, что надлежало посмотрѣть, простирается ли до него власть сія. Леандръ, будучи не менѣе

не терпѣливъ, и терзаясь столько-же ревностію сколько Клеодатъ, выхватилъ немедлѣнно противъ него и свою; и сіи два соперника равно мужественные начали свой бой такимъ образомъ, что бы кончился онъ бѣдственно, какъ нѣсколько офицеровъ идучи мимо, и узнавъ Клеодата, бросились между ими и ихъ развели; множество людей стеклося, народъ дѣлалъ шумъ, который здѣлался толь великъ, что дошелъ до покоевъ Ѳеаниныхъ, стоящихъ на улицу. Констанція и она стали у окон ѣ; разсудите о ихъ удивленіи увидя Леандра и Клеодата съ обнаженными шпагами, и держимыхъ со всѣхъ сторонъ многими офицерами, кои искали способовъ ихъ помирить. Прекрасная Констанція чуть не упала въ обморокъ, а Ѳеана будучи гораздо благоразумнѣе, и не хотя чтобы слава ея племянницы имѣла участіе въ семъ сраженіи, вышла сама на улицу, и подбѣжавъ тотчасъ къ Леандру: ахъ! любезный мой племянникъ, сказала ему громкимъ голосомъ, обнявъ его! по какому случаю получилъ ты ссору съ наилучшимъ изъ нашихъ пріятелей? развѣ такимъ образомъ

надле-

надлежало тебѣ предстать предъ твою сестру?

Сіи слова произвели два дѣйствія вдругъ: онѣ подали знать Леандру, что весьма важно было для Ѳеаны, дабы не былъ онъ признанъ за любовника Констанціина, и успокоили Клеодата, побудивъ его думать, что почитаемый имъ за солюбобника былъ родственникъ любимый сею прекрасною дѣвицею: и сіе принудило ихъ поступить почти равно, хотя по различнымъ причинамъ; и такъ обое подошедъ къ Ѳеанѣ, извинялись предъ нею въ своей запальчивости, и Клеодатъ воспріявъ великое почтеніе къ Леандру за оказанную имъ храбрость, обнялъ его съ горячностію, прося принять его въ число своихъ друзей; и хотя Леандръ имѣлъ великой трудъ себя принудить, однако будучи приневоленъ знаками и словами Ѳеаны, которая называла его всегда двоюроднымъ братомъ Констанціинымъ, отвѣтствовалъ на привѣтливости Клеодатовы какъ человѣкъ умѣющій столькожъ говорить, сколько и биться; и дабы здѣлать примиреніе сіе совершеннымъ, Ѳеана повела ихъ всѣхъ въ свой домъ, гдѣ

нѣкоторыя слова извѣстивъ Констанцію о томъ, что надлежало ей дѣлать, поклонилася она Леандру, какъ такому родственнику, коего ожидали онѣ къ себѣ давно.

Клеодатъ думая, что не можетъ довольно привлечь къ себѣ сердце сего новаго друга, предложилъ у себя балъ на вечеръ, дабы праздновать его прибытіе: Өеана и Констанція согласилась на то, надѣясь, что приуготовленіе сего кавалера къ сему празднеству подастъ имъ время поговорить съ Леандромъ.

Въ самомъ дѣлѣ вся компанія разъѣхалась въ намѣреніи, чтобъ приготовиться къ сему увеселенію, довлѣющему преслѣдуемому быть богатымъ обѣдомъ. Леандръ лишь только находился на свободѣ говорить съ Констанціею, какъ бросился къ ея ногамъ, и хотѣлъ въ такомъ видѣ увѣдомить ее о благопоспѣшномъ премѣненіи мыслей Целидоровыхъ. Никогда не было радости совершеннѣе той, которую почувствовала тогда сія вѣрная любовница при сей пріятной вѣдомости; и естьли Леандръ доказалъ ей постоянство своимъ усердіемъ, то изъявила она ему

свое

свое такимъ образомъ, что позналъ онъ изъ того безмѣрное ея удовольствїе; Ѳеана, которую присутствїе сего совершеннаго любовника отвратило нѣсколько отъ Клеодата, отстала совсѣмъ отъ онаго, услыша, что Целидоръ возвращаетъ свое слово и сватается усердно за Констанцїю.

Сїя госпожа обняла ихъ обоихъ, дабы обнадежить о удовольствїи, кое подавало ей ихъ благополучїе. Послѣ того, какъ восхищенїи и ласки съ обѣихъ сторонъ довольно продолжались, надлежало принять мѣры, дабы отвезти Констанцїю въ Дїеппе. Ѳеана боясь Клеодата, просила Леандра продолжать свое притворство до ихъ отъѣзду, коему надлежало воспослѣдовать на другой день поутру, тѣмъ свободнѣе, говорила она, что всѣ уставши на балѣ, поѣдутъ въ свои домы и оставятъ намъ полную свободу; но Леандръ будучи столь же вѣренъ въ своемъ словѣ противъ своихъ непрїятелей, сколь и противъ своей любовницы, не зная какъ согласовать обѣщанное имъ капитану голандскому съ тѣмъ, чемъ долженствовалъ

нствовалъ онъ Консшанціи, казался толь смущеннымъ при разговорѣ Ѳеаниномъ, что она то примѣтила, и принуждала его обще съ своею племянницею сказать имъ тому причину; и такъ не могъ онъ обойтись, чтобъ не разсказать имъ своего приключенія, и обязательства, въ коемъ находился, дабы возвратиться на другой день поутру на корабль каперовъ для ожиданія своего выкупа.

Радость тетки и племянницы крайне уменшилася при семъ случаѣ. Констанція обвиняя себя быть тому причиною, тронута была неизреченною печалію; а Ѳеана была въ отчаяніи, что не имѣла пятьнадцати тысячь францовъ наличныхъ денегъ, дабы отнести ихъ къ голандскому капитану. Великодушная Констанція хотѣла, чтобъ взялъ онъ ея каменье, а тетка ея требовала только однихъ сутокъ, дабы собрать сію сумму; но Леандръ будучи не менѣе ихъ великодушенъ, отринулъ сію помощь съ твердостію, и подалъ имъ знать, что хотя бы и удобенъ онъ былъ ихъ принять, то бы не служили они ему

ни къ

ни къ чему, по тому что Голанецъ не отсрочилъ бы ему ни на одинъ часъ, и похотѣлъ бы его всегда у себя хранить, ожидая за него заплаты; на конецъ послѣ многихъ сожалѣнiй, слезъ и разсужденiй, положено было, чтобъ Леандру содержать свое слово, а госпожамъ отъѣхать въ одинъ съ нимъ часъ въ Дiеппе, увѣдомить тамъ Целидора о произшедшемъ и переслать немедлѣнно сумму, а между тѣмъ толь изрядно принуждать себя съ Клеодатомъ, чтобъ не могъ онъ нимало усомниться.

Разположивъ все сiе такимъ образомъ, любовники наши помышляли точiю о томъ, чтобы воспользоваться малымъ временемъ, кое имѣли другъ друга видѣть, и какъ гости собралися у Ѳеаны и имена брата и сестры подавали имъ поводъ оказывать другъ другу равномѣрную горячность, то не упускали онѣ ниединаго случая служившаго ко изъявленiю оныя: Клеодатъ будучи хозяиномъ при семъ пиршествѣ одѣлся виликолѣпно, и одѣянiе его толь сильно умножало природныя его прiятности, что Леандръ

андрЪ не могЪ удержаться, дабы не упрекать себя нѣкоторымЪ родомЪ производимаго противЪ него обмана, и безЪ неотступной прозбы Констанціиной нравЪ его откровенный и чистосердечный принудилЪ бы его открыть сему любви достойному солюбовнику тайну своего сердца: сЪ другой стороны Клеодатъ увидѣлЪ такЪ много сіяющихЪ изящныхЪ качествЪ вЪ особѣ Леандровой, что воспріялЪ толико кЪ нему дружества, колико имѣлЪ любви кЪ Констанціи; и какЪ различныя чувствованіи здѣлали ихЪ пріятнаго нрава, то великолѣпное сіе пиршество отправлялось сЪ великимЪ удовольствіемЪ; и хотя Констанція не могла подумать безЪ печали о произшествіи ЛеандровомЪ, однако будучи удостовѣрена вЪ томЪ, что освободитЪ его тотчасЪ по прибытіи вЪ Діеппе, утѣшалась вЪ томЪ, и не подавала нимало знать о состояніи своего сердца.

По окончаніи обѣда открылся балЪ: оба любовника Констанціины дѣлали украшеніе оному; но когда ЛеандрЪ и сія прекрасная особа танцовали вмѣстѣ, тогда были воскли-

цаніи

цаніи въ собраніи, кои не имѣли конца; пріятности, кои онѣ другъ другу показывали по согласію взаимныя ихъ горячности, причиняли такое удивленіе, коего изобразить не можно, и самъ Клеодатъ такъ былъ тѣмъ плѣненъ, что вскрикивалъ многажды, что не видалъ онъ никогда двухъ особъ толь совершенныхъ. Какъ сіи похвалы и дружелюбіи принуждали Леандра отвѣтствовать ему тѣмъ же голосомъ, то стояли они всегда по сторону одинъ другаго возлѣ Констанціи; Клеодатъ въ намѣреніи продолжить балъ сколь долго возможно будетъ, предложилъ Леандру тайно перемѣниться платьемъ, дабы обмануть компанію симъ переодѣяніемъ. Онъ на то согласился; и они пошли въ кабинетъ Ѳеанинъ, дабы здѣлать сію перемѣну; оная имѣла успѣхъ ими ожидаемый: Констанція и Ѳеана были о томъ тайно увѣдомлены, и способствовали всевозможнымъ образомъ, дабы другіе въ нихъ ошибалися.

Сіе увеселеніе продолжалося бы во всю нощь; но Ѳеана желая ѣхать на другой день рано, притворилась больною

больною, и просила учтиво Клеодата, распустить собранiе; сей кавалерЪ преисполненный вниманiемЪ ко всему, что имѣло согласiе сЪ Констанцiею, послушался вЪ тотЪ же часЪ, и дабы подать примѣрЪ, вышелЪ перьвый, здѣлавЪ знакЪ всѣмЪ, за собою слѣдовать; и дабы не досадить никому, ибо всякЪ желалЪ еще повеселиться, повелЪ онЪ ихЪ вЪ другой домЪ, гдѣ былЪ также балЪ. Что до него, то чувствуя себя нѣсколько разгорячившагося отЪ танцованiя и отЪ прилагаемыхЪ имЪ во весь день старанiй, пошелЪ онЪ прогуляться кЪ гавани, думая, что будетЪ еще время отослать платье Леандрово, и взять назадЪ свое, когда женщинЪ можно будетЪ видѣть.

Между тѣмЪ какЪ онЪ прогуливается, и предается нечувствительно прiятной задумчивости, коея Констанцiя была предмѣтомЪ, ЛеандрЪ находился сЪ нею, и помогалЪ ей готовиться кЪ отъѣзду; ожидая часа своего сходбища; между тѣмЪ день насталЪ: надлежало разлучиться; и хотя увѣрены были, что увидятся скоро, однако прощанiе ихЪ было чувствительно;

Ѳеана кончила оное новыми обѣщанїями, выѣхать въ тужъ минуту, а Леандръ пошелъ, дабы искать Клеодата, и возвратить ему ево платье; выходя отъ Ѳеаны, нашедъ одного изъ служителей сего кавалера, который сказалъ ему, что господинъ ево гуляетъ у пристани, направилъ и онъ туда стопы свои. Между тѣмъ все время употребленное Леандромъ въ разговорахъ съ Констанцїею, Клеодатъ препроводилъ въ размышленїяхъ, не примѣтивъ, что день началъ разсвѣтать; и дабы ничто не могло изтребить въ немъ мыслей, увидѣвъ у берега шлюпку, вошелъ во оную; но безмѣрно удивился, какъ двадцать человѣкъ матрозовъ бросились на него, обезоружили его, и отвалили съ шлюпкою не взирая на все, что онъ имъ ни говорилъ, дабы дать имъ знать, что конечно они ошибалися.

Ето была шлюпка того разбойническаго корабля, которая стерегши своего плѣнника ожидала его съ нетерпѣливостїю, какъ матрозы обманувшїеся одеждою Леандровой, бывшей на Клеодатѣ, почли его за онаго

онаго, и имЪ овладѢли. Не изслѢдывая ничего болѢе, не далеко они еще отъѢхали, какЪ ЛеандрЪ пришелЪ, думая найти своего солюбовника, но лишь только бросилЪ глаза свои на шлюпку, какЪ узналЪ ево равно какЪ и матрозовЪ, и несомнѢваясь о ошибкѢ ихЪ, послѢдуя единственно своему великодушiю вЪ такомЪ случаѢ, коимЪ бы душа нестоль честная какЪ ево воспользовалась, сошелЪ поспѢшно на пристань, и бросясь вЪ легонкое суденко, велѢлЪ плыть оному толь скоро за шлюпкою, что прибылЪ онЪ вмѢстѢ сЪ нею на корабль.

КлеодатЪ удивившiйся его увидя хотѢлЪ было спросить, какое было его намѢренiе, какЪ появился капитанЪ, который узнавЪ Леандра, и видя двухЪ плѢнниковЪ вмѢсто одного показалЪ почти столько удивленiя, сколько они; но ЛеандрЪ начавЪ говорить, увѢдомилЪ его, что было тому причиною, и просилЪ капитана сЪ толикимЪ усилiемЪ отпустить Клеодата, суля прибавить за него четыре тысячи франковЪ кЪ прежде обѣщаннымЪ пятнадцати тысячамЪ своего выкупа, что оный

оный будучи тѣмъ тронутъ, принялъ предложенїе Леандрово, и дозволилъ, чтобъ каждый изъ нихъ надѣлъ свое платье.

Во время всего сего разговора, Клеодатъ не уразумѣвая нимало сего произшествїя, хранилъ глубокое безмолвїе, искавъ самъ въ себѣ, какимъ образомъ можно ему заслужить ту услугу, которую Леандръ хотѣлъ ему оказать, и въ то самое время проникнуть, зачто обязанъ онъ былъ заплатить пятнадцать тысячь франковъ.

Счастливый любовникъ Констацїинъ примѣтивъ его смущенїе, и хотя его изъ онаго вывесть: Клеодатъ, сказалъ ему, я радуюсь, нашедъ случай доказать тебѣ то почтенїе, которое къ тебѣ имѣю, и ласкаюсь, что не почтешь ты меня недостойнымъ съ твоей стороны онаго, когда узнаешь, что супругу Констанцїину долженъ ты сею услугою.

Супругу Констанцїину! вскричалъ Клеодатъ; Небо! что сказываешь ты мнѣ? Тогда Леандръ не давая ему времени говорить болѣе, разсказалъ ему подробно о своей любви, и о состоянїи дѣлъ до тоя минуты, не

 скрывъ

скрывъ отъ него ничего кромѣ того, что Констанція къ нему писала, и не приписывая произшествію, случившемуся съ нимъ на морѣ, ничего кромѣ своей нетерпѣливости; и сею искренностію такъ усугубилъ онъ удивленіе и почтеніе Клеодатово, что не находилъ онъ выраженій, дабы изъяснить оныя. Учиненная имъ поступка, возвращая ему вольность, въ такое время, когда могъ чрезъ то свободиться отъ соперника, и отъ платежа великой суммы, показалася ему толь благородною и знатною, что не думалъ онъ лучше за то возблагодарить, какъ восторжествовавъ надъ своею любовію, и соединясь съ нимъ наинѣжнѣйшимъ дружествомъ. Дабы подать ему опытъ того почти равный ему, не хотѣлъ онъ ево оставить, сколь ни усильно онъ ево о томъ просилъ. Капитанъ Голандской возбужденный примѣромъ толикаго великодушія, хотѣлъ имѣть въ томъ участіе, предлагая имъ высадить ихъ въ Діеппѣ, гдѣ одному изъ нихъ надлежало итти за суммою, довлѣющею ихъ выкупить; они на то согласились, и солюбовники здѣлавшись друзьями переѣхали сей путь съ несказаннымъ удовольствіемъ.

Но когда надлежало выпустить въ море шлюпку, и высадить на берегъ Леандра и Клеодата, тогда возсталъ между ими споръ столь же великодушный сколь и первый; ибо Леандръ хотѣлъ, что бы Клеодатъ оставилъ его въ залогъ, а самъ бы увѣдомилъ его, о случившемся съ ними, а Клеодатъ упорствовалъ въ томъ, что бы ему остаться въ залогѣ. На конецъ капитанъ приведши воувоженїе свои права, рѣшилъ сїе дѣло, отпустивъ по власти своей Леандра: шлюпка высадила его на берегъ; и онъ пошедъ къ Целидору, который крайне безпокоился нечаяннымъ его отсутствїемъ; онъ разсказалъ ему все произшедшее, прося его дозволить ему заплатить девятнадцать тысячь Франковъ за него, и за его друга. Целидоръ бывшїй изъ числа такихъ людей, коихъ хорошїя поступки трогали до внутренности сердца, плѣнясь поступкою своего сына, не допускалъ себя просить долго, чтобъ довесть оную до совершенства: и пошедъ съ нимъ къ своему банкиру, взялъ у него сумму золотомъ и отдалъ ему оную. Тотчасъ Леандръ сѣдши въ свою шлюпку, поѣхалъ къ кораблю, и

 выкупилъ

пилЪ своего друга; капитанЪ будучи весьма доволенЪ его точностїю, приказалЪ ихЪ высадить на берегЪ.

ЦелидорЪ ожидавшїй ихЪ у пристани, принялЪ сЪ распростертыми руками, и сей день показался имЪ тѣмЪ наипаче благополученЪ, что кончился оный прибытїемЪ Ѳеаны и Констанцїи, кои равномѣрно удивились узрѣвЪ Клеодата и Леандра вЪ домѣ ЦелидоровомЪ. Перьвый выговаривалЪ имЪ учтиво за ихЪ обманЪ, и подалЪ имЪ знать, что естьли не изцѣлился онЪ еще отЪ своей любви, то умѣлЪ по крайней мѣрѣ обладать оною.

Онѣ примѣтили сЪ радостїю причину дружества обоихЪ солюбовниковЪ, и когда прїуготовленїи брака Леандрова сЪ Констанцїею кончились, тогда церемонїя онаго отправлена была со всевозможнымЪ великолѣпїемЪ. КлеодатЪ нехотѣлЪ прежде отЪѣхать вЪ Болонїю, пока сей союзЪ не здѣлалЪ совершеннымЪ удовольствїя обоихЪ сихЪ вѣрныхЪ любовниковЪ, благодаря стократно Голандскому капитану за учиненую имЪ ошибку, по тому что оная промыслила ему такого друга, каковЪ

былЪ

былъ великодушный Леандръ, коего не могъ онъ никогда убѣдить принять заплату за его выкупъ; но не уступая ему въ благородствѣ склонностей, умѣлъ онъ возблагодарить за сїю услугу толь основательнымъ дружествомъ, что Леандръ почиталъ себя за то довольно награжденнымъ.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОМУ ТОМУ.

